

Θульскій король.

(„Der König in Thule“).

А. Струговщиковъ удержалъ размѣръ подлинника, но недостаточно точно передалъ содержаніе. Такъ первая строфа у Гёте читается слѣдующимъ образомъ:

„Es war ein König in Thule,
Gartreu bis an das Grab,
Dem sterbend seine Buhle
Einen goldnen Becher gab“

т. е.

„Жилъ въ Θуле король,
Вѣрный до самой могилы;
Ему любовница умирая
Вручила золотой бокалъ“.

У А. Струговщикова:

„Царь счастливъ былъ подругой—
Не вѣкъ она жила
И умирая другу
Свой кубокъ отдала“.

Въ этой строфѣ высказывается главная мысль баллады: вѣрность короля любимой женщиной; въ переводѣ она пропущена. Четвертая строфа читается такъ:

„Er sass beim Königs Mahle,
Die Ritter um ihn her,
Auf hohem Vätersaale,
Dort auf dem Schlass am Meer“

т. е.

„Онъ сидѣлъ на королевскомъ пиру,
Вокругъ него рыцари,
Въ высокой залѣ отцовъ,
Тамъ въ замкѣ у моря“.

Струговщиковъ переводить:

„И тамъ, гдѣ домъ старинный
Отцовъ его стоялъ,
Надъ моремъ, онъ съ дружиной
Подъ старость пировалъ“.

Слова Гёте запечатлѣны чертами средневѣковаго быта западной Европы. Здѣсь и „рыцари“, и „высокія залы“. Въ переводѣ же говорится не о „рыцарѣ“, а о „дружинѣ“, что переноситъ мысль читателя въ обстановку древне-русской жизни; не упоминается также и о „высокихъ залахъ“, и о „морѣ“. Далѣе послѣдняя строфа:

Er sah ihn stürzen, trinken,
Und sinken tief ins Meer.
Die Augen thäten ihm sinken,
Trank nie einen Tropfen mehr“

т. е. „Онъ видѣлъ, какъ онъ (кубокъ) упалъ, сталъ тонуть, и погрузился глубоко въ море. Смежились его очи; онъ не выпилъ больше никогда ни одной капли“.

Переводъ:

„И бездна поглотила
Завѣтный тотъ бокаль—
Царь, вѣрный до могилы,
Свой вѣкъ отпировалъ“.

Онъ очень воленъ и слабъ. Переводъ прочихъ строфъ не такъ далекъ отъ текста.

По вѣрности духу подлинника и главной его мысли лучше переводъ М. Загорскаго, напечатанный въ первый разъ въ альманахѣ 1825 года „Сѣверные цвѣты“, хотя размѣръ не выдержанъ. У Гёте трех-стопный ямбъ, у М. Загорскаго пяти-стопный съ усѣченіемъ на второмъ стихѣ. Онъ былъ перепечатанъ въ первомъ томѣ „Собранія сочиненій Гёте“, изд. подъ редакціей Гербеля.

Редакторъ измѣнилъ нѣсколько первоначальный текстъ, но не упоминаетъ объ этомъ. Такъ въ альманахѣ было раньше:

„Вручила при смерти бокаль“....

У Гербеля:

„Дала при смерти бокаль“....

Вмѣсто:

„Въ наслѣдномъ замкѣ, что стѣнами
Морскія волны отбивалъ“....

У Гербеля:

„Въ наслѣдномъ замкѣ, что скалами
Морскія волны отражалъ“.

Вмѣсто:

*„Онъ зрѣлъ, какъ черпалъ онъ краями,
Какъ внизъ волной былъ увлеченъ“.*

У Гербея:

*„Онъ видѣлъ, какъ сверкнувъ краями
Онъ внизъ волной былъ увлеченъ“.*

Вмѣсто:

„И тяжкій вздохъ вино струилъ“...

У Гербея:

„И тяжкій вздохъ вино мутилъ“....

Вмѣсто:

*„Съ послѣдней каплей тилъ царь вѣрный
Свою послѣднюю слезу“....*

У Гербея:

*„Съ послѣдней каплей неизмѣнный,
Смѣшавъ послѣднюю слезу,
Онъ бросилъ“.....*

Вмѣсто „очами“—„глазами“.

Трудно сказать, чѣмъ вызваны эти измѣненія.

Переводъ Э. Губера ясно передаетъ мысль и форму знаменитой баллады, вполне точенъ и вѣренъ подлиннику.

В. Красовъ перевелъ ее подъ заглавiемъ: „Король“. Это лучший переводъ „Оульскаго короля“ Гёте.

Свадебная поѣздка рыцаря Курта.

(„Ritter Curts Brautfahrt“).

Ө. Миллеръ перевелъ эту балладу слабѣе остальныхъ. Въ общемъ смыслъ баллады переданъ вѣрно, форма удержана. На нижеслѣдующихъ примѣрахъ можно видѣть недостатки перевода. Такъ Гёте говорить въ одномъ мѣстѣ (по окончанiи битвы съ противникомъ Куртъ спѣшитъ далѣе, къ нему выходитъ дѣвушка, прежняя его возлюбленная):

*„Und er findet nun die Amme,
Wie die Jungfrau, liebenswerth“*

т. е.

„И онъ теперь находитъ достойную любви
Кормилицу, какъ прежде дѣвушку“.

У Миллера:

„И усѣвшись возлѣ милой,
Началъ онъ ее ласкать“.

Вотъ отступленіе, наиболѣе бросающееся въ глаза, но много и другихъ, напр. въ 3-ей строфѣ—обращеніе дѣвушки къ милому, въ послѣдней—досадныя восклицанія и сѣтованіе его на судьбу. Привести ихъ здѣсь всѣ—это значить выписать большую часть стихотворенія. Не смотря на эти недостатки, общій характеръ и духъ баллады переданъ очень вѣрно.

Вѣрный Эккартъ.

(„Der getreue Eckart“).

Переводъ Ѳ. Миллера очень удаченъ, нѣкоторые мѣста переведены почти буквально; только въ одномъ случаѣ онъ стоитъ ниже оригинала. Въ шестой и седьмой строфахъ есть слѣдующіе стихи:

„Doch siehe, man kostet: ein herrliches Bier!
Man trinkt in die Runde schon dreimal und vier,
Und noch nimmt der Krug nicht ein Ende“.
„Das Wunder, es dauert zum morgenden Tag;
Doch fraget, wer immer fragen vermag:
Wie ist's mit den Krugen ergangen?
Die Mäuslein, sie lächeln, im Stillen ergetzt“

т. е. (Дѣти приносятъ гостямъ кружки, наполненные волшебнымъ пивомъ, кое въ нихъ не изсякаетъ): „Но смотрите, пробуютъ: чудное пиво! пьютъ круговую уже въ третій и четвертый разъ, и нѣтъ еще конца кружкѣ. Чудо продолжается до слѣдующаго утра; но пусть спроситъ тотъ, кто всегда въ состояніи спрашивать: что же случилось съ кружками? Мышенки улыбаются, радуясь втихомолку“.

У Ѳ. Миллера:

„Родные же кружки изъ рукъ ихъ берутъ
И пиво съ гостями все пьютъ они, пьютъ—
И кружки при томъ не пустѣютъ.“

До утра тѣ кружки все были полны—
И многимъ казаться ужъ стали чудны
Волшебные эти сосуды;
А дѣти смѣялись, смѣялись тайкомъ.... и т. д.

Скорѣе эти стихи можно назвать пересказомъ, нежели переводомъ; вѣтъ необходимости объяснять разницу между нѣмецкимъ текстомъ и русскимъ, такъ какъ ее можно замѣтить при простомъ сличеніи ихъ. Кромѣ этого попадаются еще слабо переданныя отдѣльныя выраженія оригинала. Такъ: „Wuthige Heer“ (въ приложеніи къ русалкамъ) т. е. свирѣпое войско (отрядъ) переведено: „вереница тѣней“, „Die Mäuslein“—„дѣти“.

Злая фуриі баллады въ переводѣ сдѣлались русалками. Вслѣдствіе этого немного странно то обстоятельство, что обитательницы водъ, которыя привыкли жить вблизи озеръ и рѣкъ, послѣ своего хищнаго поступка съ дѣтьми, удаляются въ горы и ущелья. Правда, по нѣмецкому сказанію, нѣкоторыя изъ фуриі были „русалками“, но здѣсь очевидно имѣются въ виду воздушныя женщины, горные духи.

Блуждающій колоколь.

(„Die wandelnde Glocke“).

Переводъ Н. Гербеля очень воленъ, но довольно удачно передаетъ содержаніе стихотворенія и духъ его. Слабѣ другихъ переведена 4-ая строфа.

У Гёте:

„Die Glocke, Glocke tönt nicht mehr,
Die Mutter hat gefackelt,
Doch welch ein Schrecken hinter her!
Die Glocke kommt gewackelt“

т. е.

„Колоколь, колоколь не звучитъ болѣе,
Мать задрожала,
Но какой ужасъ назади!
Колоколь идетъ качаясь“

У Гербеля онъ переведенъ такимъ образомъ:

„И что же колоколь молчитъ!
Свершилось предсказанье:

Онъ снялся съ петель и летить,
Какъ Божье наказанье“.

Переводъ этотъ не точенъ: о матери не говорится ни слова, точно также, какъ и о родѣ движенія колокола. Остался безъ перевода и слѣдующій за этой строфой стихъ:

„Die wackelt schnell, man glaubt es kaum“

т. е. „Онъ качается скоро; съ трудомъ можно повѣрить этому“.

Мужъ и жена (шотландская баллада).

(„Gutman und Gutweib“).

Θ. Миллеръ передаетъ только содержаніе стихотворенія, но не переводитъ въ собственномъ смыслѣ. Каждая строфа нуждается въ переработкѣ и требуетъ болѣе точнаго перевода; впрочемъ, духъ подлинника сохраненъ. Размѣръ измѣненъ: вмѣсто четырехъ-стопныхъ ямбовъ, чередующихся вмѣстѣ съ трехъ-стопными, у Θ. Миллера стихъ состоитъ изъ трехъ стопъ.

П а р і я.

I. Молитва паріи.

(„Des Paria Gebet“).

Переводъ Θ. Миллера удаченъ и почти всюду букваленъ, только одно мѣсто переведено недостаточно ясно и сильно.

У Гёте сказано (последнія 4 строки II-ой строфы):

„Mag diess für die Menschen gelten,
Mögen sie uns doch verachten;
Aber du, du sollst uns achten,
Denn du könntest alle schelten“

т. е.

„Пусть это имѣетъ значеніе для людей,
И пусть они насъ презираютъ;
Но ты, ты долженъ насъ уважать,
Потому что ты могъ бы всѣхъ покарать“.

У Ө. Миллера:

„Пусть несемъ мы поруганье

Отъ людей; но въ униженьи

Ты яви намъ уваженье:

Вѣдь и мы твое созданье“.

Въ нѣмецкомъ текстѣ логическое удареніе стоитъ на словѣ: „долженъ“. Здѣсь парія, отверженный и гонимый всѣми, выражаетъ свое глубокое убѣжденіе во всемогуществѣ Бога, который можетъ презирать людскія мнѣнія, и, безъ всякаго для себя ущерба, отдавать должное его выносливости и терпѣнью въ несчастьяхъ. У Гёте сильное выраженіе мысли, въ переводѣ нѣтъ этого.

Задолго до Ө. Миллера „Молитва“ была переведена А. Григорьевымъ. Отъ размѣра онъ отступилъ. Заключительные 4 стиха каждаго куплета рѣшуются у него не черезъ двѣ строки въ четвертую, а также, какъ и въ прочихъ четверостишіяхъ, черезъ одну. Переводъ, за исключеніемъ первой строфы и начала третьей, не особенно удаченъ.

Вторая строфа у Гёте читается такимъ образомъ:

„Edel sind wir nicht zu nennen:

Denn das schlechte, das gehört uns,

Und was Andre tödtlich kennen,

Das alleine, das vermehrt uns.

Mag diess für die Menschen gelten,

Mögen sie uns doch verachten;

Aber du, du solst uns achten,

Denn du könntest alle schelten“

т. е. „Благородными насъ называть нельзя, потому что намъ принадлежить дурное (собств. свойственно), и то, что другіе признають смертнымъ, то одно размножаетъ насъ“. Переводъ остальныхъ стиховъ см. выше.

Григорьевъ переводить:

„Правда, мы неблагодарны,

Намъ худое подобаетъ;

Все, что смертно для свободныхъ,

То одно насъ размножаетъ.

Такъ судить прилично людямъ;

Но не въ мнѣніе людское,

А въ тебя мы вѣрить будемъ;

Правыхъ нѣтъ передъ тобою“.

Ни Ө. Миллеру, ни тѣмъ болѣе А. Григорьеву не удался переводъ этой строфы.

II. Легенда.

Переводъ Ө. Миллера близокъ къ тексту и почти буквальный; его точности въ данномъ случаѣ способствовало то обстоятельство, что стихотвореніе написано бѣлыми стихами. Всѣ неточности, которыя встрѣчаются въ немъ, произошли вслѣдствіе того, что переводчикъ или выбрасывалъ нѣкоторыя фразы подлинника или вставлялъ собственные. Такъ у Гёте первая строфа читается (последнія 3 строки):

„Diese trägt sie, frohen Busens,
Reiner Sitte, holden Wandelns,
Vor den Gatten in das Haus“

т. е. „Съ веселымъ сердцемъ, чистою душой, съ граціозной походкой, несетъ она его домой къ супругу“.

У Миллера:

„И она съ веселымъ сердцемъ,
Взявъ его несла домой“.

Нѣсколько характерныхъ выраженій пропущено. Далѣе мужъ убиваетъ жену.

„Und er kehrt mit blutigem Schwerte
Sinnend zu der stillen Wohnung“

т. е.: „И возвращается онъ задумчиво съ окровавленнымъ мечемъ въ тихое жилище“.

Миллеръ переводить:

„И съ мечемъ окровавленнымъ
Возвратился онъ въ жилище“.

И здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ чертъ, характеризующихъ настроеніе преступнаго мужа. Въ пятой строфѣ у Ө. Миллера вставлена одна лишняя строка. Далѣе въ шестой строфѣ у Гёте говорится:

„Dann der Mutter Haupt erfasst er,
Kusst es nicht, das todt erblasste,
Auf des nächsten Rumpfes Lücke

Setzt er's eilig, mitdem Schwerte
Segnet er das fromme Werk“

т. е. „Потомъ онъ схватываетъ голову матери, *не иплуетъ ее, покрытую смертною блѣдностью*, быстро приставляетъ ее къ пустому мѣсту ближайшаго туловища, освящаетъ благочестивое дѣло мечемъ“.

У Миллера:

„Онъ схватилъ главу родимой
И къ ближайшему изъ труповъ
Приложилъ съ благословеньемъ,
И мечемъ ея коснулся,
Чтобы жизнь ей возвратить“.

Подчеркнутыя строки не переведены, а онѣ хорошо характеризуютъ поспѣшность сына воскресить мать какъ можно скорѣе.

Страсть, которую супруга Браммы влагаетъ въ свои слова, страсть, выраженная у Гёте въ нѣсколькихъ подѣрядъ взятыхъ прилагательныхъ, съ экспрессіей, идущей crescendo, въ переводѣ выражена недостаточно ясно; у Гёте сказано:

Er gebot ja buntem Fittig,
Klarem Antlitz, schlanken Gliedern,
Göttlich—einzigem Erscheinen
Mich zu prüfen, zu verführen“

т. е. (букв. перев.):

„Онъ вѣдь приказалъ пестрому крылу,
Ясному челу. тѣбкимъ членамъ
Чисто—божественному видѣнію“¹⁾
Испытать, искусить (соблазнить) меня“.

У Э. Миллера:

„Онъ послалъ тотъ чудный призракъ,
Полный прелести небесной,
Чтобъ меня его красю
Испытать и соблазнить“.

Подчеркнутая строка не передаетъ ни одного образа нѣмецкаго текста.

За исключеніемъ приведенныхъ стиховъ, всѣ остальные переведены буквально.

¹⁾ Т. е. крылатому, прекрасному во всѣхъ отношеніяхъ полубогу.

III. Благодарность парии.

(„Dank der Paria“).

Въ переводѣ послѣдней части трилогіи Миллеръ не придерживается близко текста, а передаетъ только смыслъ. Въ такихъ характерныхъ стихотвореніяхъ, какъ это, подобное отношеніе къ подлиннику, составляетъ уже значительное упущеніе.

Легенда о подковѣ.

(„Legende von Hufeisen“).

Въ списокъ балладъ, переведенныхъ на русскій языкъ, у Н. Гербеля (въ изданіи подъ его редакціей) помѣщена и „Легенда о подковѣ, переведенная А. Струговщиковымъ подъ заглавіемъ: „Мудрецъ и его ученикъ“. У Гёте это стихотвореніе помѣщено подъ рубрикой: „Пораблическое и эпиграмматическое“. Переводъ А. Струговщикова есть вольная передѣлка. Сюжетъ пьесы, какъ у него, такъ и у Гёте одинаковъ, но дѣйствующія лица разные.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ у Гёте является Христосъ, который на примѣрѣ учитъ св. Петра, а кстати и другихъ учениковъ; у Струговщикова—Платонъ и его ученикъ Ктезипшъ; его рассказъ такимъ образомъ не имѣетъ никакого отношенія къ Христу и его притчамъ.

Кромѣ того, свѣтлая личность Платона въ соотвѣтствіе Спасителю у Гёте, который является у него благороднымъ и мудрымъ, въ концѣ легенды сильно тускнѣетъ вслѣдствіе слишкомъ вольной передачи послѣдней строфы.

Сюжетъ легенды таковъ: однажды Христосъ съ своимъ ученикомъ св. Петромъ шелъ въ городъ и замѣтилъ лежащую на дорогѣ подкову. Онъ попросилъ св. Петра поднять ее, но тотъ, мучась своими честолюбивыми мыслями, не обратилъ никакого вниманія на слова Спасителя и пошелъ дальше. Послѣдній самъ взялъ подкову и мимоходомъ купилъ на нее вишень. Когда путешественники проходили по открытому полю, гдѣ не было жилья, ихъ стала мучить жажда; воды достать было негдѣ и вотъ въ это время пригодились вишни: Христосъ утолилъ ими жажду и, хотя видѣлъ плачевное состояніе ученика, но хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и дать ему урокъ. Онъ нарочно бросалъ вишни одну за другой на землю и за каждой св. Петръ нагибался и поднималъ ее:

Dann sprach der Herr mit Heiterkeit;
Thätst du zur rechten Zeit dich regen,
Hätt'st du's bequemer haben mögen.
Wer geringe Ding'wenig acht't,
Sich um geringere Mühe macht.

т. е. „Тогда Господинъ (Учитель) сказалъ весело: если бы ты во время нагнулся, то владѣлъ бы этимъ съ гораздо бѣльшимъ удобствомъ. Кто мало обращаетъ вниманія на малую вещь, потомъ заботится еще о болѣе незначительной.

Какъ замѣчено выше, у А. Струговщикова вмѣсто Христа является Платонъ, вмѣсто св. Петра—Ктезиппъ. Всѣ остальные стихи переведены болѣе или менѣе удачно (конечно, въ переводѣ, какъ въ вольной передѣлкѣ съ меньшимъ количествомъ стиховъ, нѣтъ многихъ деталей подлинника); послѣднія слова, соответствующія только что приведеннымъ, читаются слѣдующимъ образомъ:

„Что легче: во время ли разъ,
Иль послѣ гнуться каждый часъ?“
Сказалъ и—изъ любви прямой,
Прибавилъ онъ съ улыбкой злой:
„Кто рано малымъ небрежетъ,
За меньшимъ послѣ спину гнетъ“.

Не пристало великому мудрецу, какимъ выставляется Платонъ въ началѣ стихотворенія, говорить со злобой, да къ тому же вѣдь онъ обращается къ своему ученику.

Форму подлинника А. Струговщикова удержалъ въ своемъ переводѣ.

Переводы Жуковского изъ Гёте

(кромѣ балладъ).

Кромѣ вышеуказанныхъ переводовъ балладъ Гёте, сдѣланныхъ Жуковскимъ, существуютъ еще слѣдующіе: „Жалоба пастуха“, „Утѣшеніе въ слезахъ“, „Новая любовь—новая жизнь“, „Къ мѣсяцу“, „Странникъ“ (и мелкіе: см. выше). Всѣ они рѣзко запечатлѣны индивидуальностью переводчика.

Утѣшеніе въ слезахъ.

(„Trost in Thränen“).

Для своего стихотворенія Гёте воспользовался народной пѣсней, гдѣ передается разговоръ между пастушкой и охотникомъ. Форма и тамъ и здѣсь одинакова, также какъ и цѣлыя выраженія въ первыхъ двухъ строфахъ.

Жуковскій перевелъ его прекрасно и сохранилъ форму подлинника. Все стихотвореніе Гёте проникнуто романтическимъ настроеніемъ, туманной грустью, и недомолвки встрѣчаются очень часто; вотъ почему Жуковскій и выбралъ его для перевода.

Въ 4-й строфѣ разница между положеніемъ друзей поэта и его самого отгѣнена однимъ словомъ: „счастливы“.

У Гёте она читается такимъ образомъ:

„Ihr lärmt und rauscht und ahnet nicht,
Das mich den Armen quält.
Ach nein, verloren hab'ich's nicht,
So sehr es mir auch fehlt“.

У Жуковского:

„Какъ вамъ, счастливымъ, то понять,
Что понялъ я тоской?
О чемъ... но нѣтъ! Оно мое,
Хотя и не со мной“.

Эта строфа можетъ служить и примѣромъ всего перевода.

Жалоба пастуха.

(„Schäfers Klagelied“).

Переводъ этой пьесы у Жуковского не такъ близокъ къ тексту, какъ предыдущей, но мысль подлинника передана вѣрно, вообще все содержаніе стихотворенія. Въ собраніи сочиненій онъ озаглавленъ: „Жалоба пастуха (съ нѣмецкаго)“ и при жизни поэта не былъ внесенъ въ изданіе его стихотвореній; вся пьеса не носить на себѣ печати тщательной отдѣлки, попадаютъ стихи и фразы, непріятно звучащія для современнаго читателя.

Новая любовь—новая жизнь.

(„Neue Liebe—neues Leben“).

Переводъ этотъ—воленъ. Въ первой строфѣ нѣтъ повторяемаго нарѣчья „weg“—„прочь!“.

У Гёте она читается такимъ образомъ (вторая половина):

„Weg ist alles, was du liebtest,
Weg, warum du dich betrübtest,
Weg dein Fleiss und deine Ruh—
Ach wie kamst du nur dazu“.

У Жуковского (кромѣ этого упущенія переводъ буквальный):

„Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило.
Гдѣ безпечность, гдѣ покой?
Ахъ, что сталося съ тобой?“

Стихи Гёте съ повтореніемъ одного и того же слова въ началѣ каждой строфы сильнѣе и рѣшительнѣе опредѣляютъ его мысль, чѣмъ стихи Жуковского.

Въ третьей строфѣ мысль поэта перефразирована; Гёте, хотя и живетъ новой жизнью, но старается, по крайней мѣрѣ бороться съ своею страстью (см. Люисъ. „Жизнь Гёте“. 249 с. 67 г. или „The life and works of Goethe“ того же автора ст. 298. London 1855 г.); не то у Жуковского: онъ всецѣло предается любовному увлеченію:

„И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья;
Радъ тоскѣ, хочу любить...
Видно, сердце, такъ и быть“,

говорить онъ.

Между прочимъ, это любопытный примѣръ пассивнаго отношенія его къ жизни, исключаящаго всякую борьбу и настойчивость, соединенную съ пламенной страстью.

Конечно, въ концѣ концовъ и Гёте, и Жуковскій приходятъ къ одному и тому же результату: отдаются во власть любовной страсти. У Гёте приведенныя слова читаются такимъ образомъ:

„Muss in ihrem Zauberkreise,
Leben nun auf ihre Weise.

Die Veränderung ach wie gross!

Liebe! Liebe! lass mich, las!“.

т. е. „Я долженъ жить въ ея заколдованномъ кругу, жить по ея волѣ. Ахъ! какъ велика перемѣна! Любовь, любовь! оставь меня!“

Къ мѣсяцу.

(„An den Mond“).

Вниманіе Жуковскаго привлекло романтическое, сантиментальное содержаніе стихотворенія: въ немъ говорится о дружбѣ, о потерянныхъ надеждахъ, объ уединеніи. Переводъ написанъ въ 1817 г., когда Жуковскій, по словамъ Зейдлица, предавался грусти по поводу выхода замужъ дѣвушки, къ которой всю жизнь чувствовалъ привязанность, Марьи Андреевны Протасовой. Первые двѣ строфы переведены почти буквально, встрѣчаются удачныя выраженія: такъ напр. стихи:

„Löschst endlich auch einmal

Meine Seele ganz“.

переведены:

„Онъ мнѣ душу *растворилъ*

Сладкой тишиной“.

Почти также переведена и третья; въ четвертой Жуковскій измѣняетъ текстъ Гёте, хотя смыслъ передаетъ правильно. Читается она такъ:

„Fliesse, fliesse, lieber Fluss!

Nimmer werd'ich froh,

So verrauschte Scherz und Kuss,

Und die Treue so“.

т. е. „Лейся, лейся, милый ручей (соб. „рѣка“)! Я никогда не буду веселъ; такъ съ шумомъ пронеслись шутки и поцѣлуи, такъ (исчезла) вѣрность“.

У Жуковскаго:

„Лейся, мой ручей, стремись!

Жизнь ужъ отцвѣла;

Такъ надежды пронеслись,

Такъ любовь ушла“.

У него, какъ у меланхолика съ нѣжнымъ сердцемъ, ни одинъ періодъ жизни не отмѣченъ веселой беззаботностью („Scherz und Kuss“).

Шестая и седьмая строфы переведены одной. Здѣсь Гёте обращается къ ручью съ просьбой вдохновить его пѣсни, тогда ли, когда онъ вслухаетъ зимней ночью, или тогда, когда (обращеніе къ ручью):

„Um die Frühlingspracht
Junger Knospen quillst“.

т. е. когда бьешь ключемъ вокругъ молодыхъ почекъ, украшенія весны.

Весеннія воспоминанія были въ то время далеки отъ поэта (прощаніе съ друзьями сильно подѣйствовало на его настроеніе), онъ не искалъ подобнаго рода вдохновенія, такъ какъ его лира была одинока, какъ онъ говоритъ въ слѣдующей строфѣ:

„Лейся, лейся, мой ручей
И журчанье струй
Съ одинокою моею
Лирой согласуй“.

Послѣдніе стихи переведены удачно, потому что въ нихъ прославляется дружба и уединеніе вдали отъ толпы.

Стихотвореніе это написано Гёте въ 1778 г. Ясно выраженная тоска соотвѣтствуетъ тому состоянію духа, въ которомъ онъ находился въ это время. 17-го января, когда они вмѣстѣ съ герцогомъ катались на конькахъ, онъ замѣтилъ трупъ дѣвицы ф.-Лассбергъ, которую несли на рукахъ по направленію къ нимъ. Наканунѣ она бросилась въ Ильмъ вслѣдствіе того, что любовь ея осталась безъ отвѣта. Огорченіе Гёте еще болѣе усилилось, когда въ ея карманѣ нашли „Вертера“. 19-го января онъ писалъ г-жѣ ф.-Штейнъ: „Скорбь имѣетъ въ себѣ также нѣчто опасно привлекательное, какъ и вода; въ нихъ обѣихъ отражаются звѣзды небесныя и манятъ насъ.“

Странникъ.

(„Der Wanderer“).

Жуковский перевелъ это стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Путешественникъ и поселянка“. У Гёте оно написано бѣлымъ стихомъ; у Жуковского то же самое, только больше строкъ. Отступленія отъ текста встрѣчаются по большей части въ переводѣ одѣльныхъ выраженій. Такъ: „in des Ulmbaums Schatten“ переведено: „въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ“ вм. „подъ тѣнью вяза“; стихи:

„(Дай мнѣ найти пріютъ)
Wo den Mittagsstral
Ein Pappelwäldchen wehrt“.

т. е. „Гдѣ-то тополевыя лѣсоки отражаютъ жаръ юга (лучи полдня)“
переведены:

„Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала“.

Вольно переведены слѣдующіе стихи:

„Welchen der umschwebt,
Wird in Götterselbstgefühl
Iedes Tag geniessen.
Voller Keim, blüh' auf,
Des glänzenden Frühlings
Herrlicher Schmuck.
Und leuchte vor deinen Gesellen!
Und welkt die Blüthenhülle weg,
Dann steig' aus deinem Busen
Die volle Frucht
Und reife der Sonn' entgegen“.

т. е. „Кого онъ обниметъ, будетъ каждый день наслаждаться чувствомъ своей божественной природы. Развивайся, полноносный ростокъ, великолѣпное украшеніе цвѣтущей весны, и блистай между товарищами! И когда цвѣточный покровъ, завянувъ, отпадаетъ, взрасти изъ своей груди полный плодъ, и взлелѣй его на солнцѣ“.

У Жуковского:

Кого присвоить онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ;
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтокъ прекрасный;
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ
И дай богатый плодъ“.

На божественность человѣческой природы поэтъ не указалъ. Въ переводѣ кромѣ того встрѣчаются мѣткія и вѣрныя передачи сложныхъ нѣмецкихъ прилагательныхъ.

Моя богиня.

(Meine Göttin).

Въ 1780 году Гёте вмѣстѣ съ герцогомъ совершилъ путешествіе внутрь страны съ цѣлью поближе познакомиться съ нею; 15 сентября того же года онъ послалъ это стихотвореніе фрау ф-Штейнъ. Тема его такая: чрезъ посредство фантазіи человѣкъ возносится надъ суетою и нуждою жизни. Послѣдняя заключена въ тѣсныя рамки, но мы имѣемъ возможность выходить изъ нихъ, такъ какъ „Зевсъ“ даровалъ намъ „причудницу рѣзвую, богиню-фантазію“. Еще до этого Гёте жаловался фрау ф-Штейнъ, что геній поэзіи не даетъ ему покоя и посѣщаетъ его во время служебной поѣздки.

Такой сюжетъ привлекъ вниманіе Жуковскаго и онъ плодотворно разработалъ его.

У Гёте—ямбы и дактили, у Жуковскаго—амфибрахій; переводъ его воленъ настолько, что иногда одно слово поэта даетъ ему поводъ нарисовать цѣлую картину, хотя нѣкоторыя выраженія, наиболѣе оригинальныя, въ немъ сохранены (напр. „Im dunkeln Genuss und trüben Schmerzen“—„въ слѣпыхъ наслажденіяхъ, съ печалями смутными“). Первый разъ это стихотвореніе было напечатано въ „Вѣстникъ Европы“ 1809 года (т. 47); въ позднѣйшихъ изданіяхъ нѣкоторые стихи были выпущены, нѣкоторые измѣнены.

Раньше было:

Въ поздн. изданіяхъ:

„И внемлетъ, задумавшись“,	то внемлетъ
„Цвѣтокъ разнолиственный, Душистый, невянущій“	} пропущено.
„И въ щастьи и въ бѣдности“,	
„Цибелы обильныя Дарами и жизнію“	} пропущено.

Вся пьеса Жуковскаго написана очень изящно и переполнена тонкими образами, по большей части отсутствующими у Гёте. Второй переводъ ея, подъ заглавіемъ: „Богиня фантазіи“, принадлежитъ А. Струговщикову. Онъ воленъ также, какъ и переводъ Жуковскаго, но здѣсь-то и видна разниа между творческой фантазіей великаго поэта и второстепеннаго. Какъ Жуковскій стоитъ съ Гёте на одномъ уровнѣ по силѣ выраженія одной и той же мысли (если не превосходитъ его), такъ точно Струговщиковъ безконечно ниже его; много яркихъ образовъ у него пропущено, стихи отъ 40—47 остались совсѣмъ безъ пе-

ревода. Къ невольно напрашивающемуся сравненію его перевода съ переводомъ Жуковскаго присоединяется еще то обстоятельство, что онъ написанъ однимъ съ нимъ размѣромъ, амфибрахіемъ; кромѣ того есть нѣкоторое сходство въ образахъ и выраженіяхъ.

Изъ разбора „Римскихъ элегій“ и „Балладъ“, можно замѣтить, что не всѣ лучшіе переводы попали въ изданіе подъ редакціей Н. Гербеля и П. Вейнберга, что не всегда должно отдавать предпочтеніе переводамъ первоклассныхъ поэтовъ. Фантазія часто заводитъ ихъ въ сторону; возбуждаемая извѣстнымъ поэтическимъ образомъ, она творить, и это творчество отлично отъ того, какое предлагается поэтомъ, изъ котораго заимствовано стихотвореніе.

всего. Не только несправедливо, но и неуместно его переводить на
русский язык. Желательно приобщить к нему то общество, к которому
принадлежит язык, на котором он изложен; чтобы тот же
язык, который он изложил, был бы понятен и для нас.

Вопрос о том, как перевести этот текст, является
очень сложным. Если мы хотим, чтобы текст был понятен
и для нас, и для тех, кто знает язык, на котором он
изложен, то мы должны перевести его на русский язык.
Но это не всегда возможно. Иногда текст настолько сложен,
что его невозможно перевести на русский язык. В таких
случаях мы должны перевести его на русский язык, но
только в том, что касается содержания. Мы должны
перевести его на русский язык, но только в том, что
касается содержания. Мы должны перевести его на русский
язык, но только в том, что касается содержания.

Вопрос о том, как перевести этот текст, является
очень сложным. Если мы хотим, чтобы текст был понятен
и для нас, и для тех, кто знает язык, на котором он
изложен, то мы должны перевести его на русский язык.

Вопрос о том, как перевести этот текст, является
очень сложным. Если мы хотим, чтобы текст был понятен
и для нас, и для тех, кто знает язык, на котором он
изложен, то мы должны перевести его на русский язык.
Но это не всегда возможно. Иногда текст настолько сложен,
что его невозможно перевести на русский язык. В таких
случаях мы должны перевести его на русский язык, но
только в том, что касается содержания. Мы должны
перевести его на русский язык, но только в том, что
касается содержания. Мы должны перевести его на русский
язык, но только в том, что касается содержания.

Русский язык	Язык, на котором он изложен
Иванов Иван Иванович	Иванов Иван Иванович
Петров Петр Петрович	Петров Петр Петрович
Сидоров Сидор Сидорович	Сидоров Сидор Сидорович
Иванов Иван Иванович	Иванов Иван Иванович
Петров Петр Петрович	Петров Петр Петрович
Сидоров Сидор Сидорович	Сидоров Сидор Сидорович

Вопрос о том, как перевести этот текст, является
очень сложным. Если мы хотим, чтобы текст был понятен
и для нас, и для тех, кто знает язык, на котором он
изложен, то мы должны перевести его на русский язык.
Но это не всегда возможно. Иногда текст настолько сложен,
что его невозможно перевести на русский язык. В таких
случаях мы должны перевести его на русский язык, но
только в том, что касается содержания. Мы должны
перевести его на русский язык, но только в том, что
касается содержания. Мы должны перевести его на русский
язык, но только в том, что касается содержания.

✓
ПРОФЕССОРЪ
АЛЬБЕРТЪ САМОЙЛОВИЧЪ
ПИТРА.

(Матеріалы для исторіи Харьковского Университета).

Проф. М. А. Попова.

УЧЕБНИК ХАВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

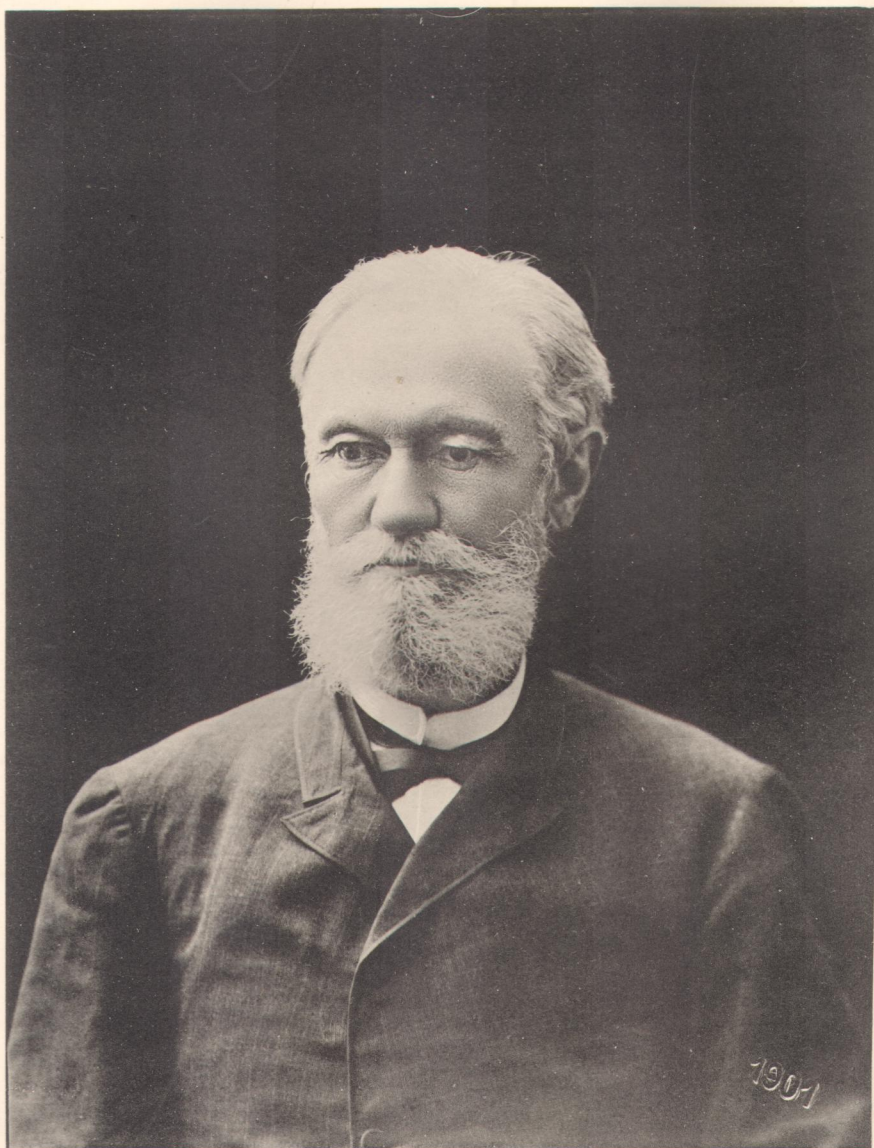
ПРОФЕССОР

АДРЕСЪ СВОЕЙ ДОБРО

ЦЕНТА.

(Материал для истории Хаванского университета)

Истор. М. К. Монаха.

Arch. Syon W. W. W. W.

15-го сентября 1901 года ¹⁾ скончался въ г. Харьковѣ, отъ воспаления легкихъ, бывшій профессоръ Императорскаго Харьковского Университета Альбертъ Самойловичъ Питра, имѣя отъ роду 76 лѣтъ. 17-го числа, въ 5 часовъ по полудни былъ выносъ праха въ лютеранскую церковь, а 18-го сентября въ 1 часъ дня совершенно погребеніе на лютеранскомъ кладбищѣ.

Профессоръ А. С. Питра, въ общей сложности, прослужилъ при Харьковскомъ Университетѣ 26 лѣтъ, 1 мѣсяцъ и 26 дней (съ 4-го сентября 1849 года по 30 октября 1875 года), начавши съ должности помощника ординатора терапевтической и акушерской клиники и закончивши ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ судебной медицины. Были годы, когда Ал. Сам. велъ преподаваніе, согласно Университетскому Уставу 1863 года, помимо судебной медицины и токсикологіи, также по гигиенѣ, медицинской полиціи и эпизоотіи, т. е. завѣдывалъ всѣми отдѣлами наукъ, причислявшихся по Уставу къ кафедрѣ судебной медицины.

Продолжительное служеніе Ал. Сам. при Университетѣ на солидной и отвѣтственной кафедрѣ съ одной стороны, а съ другой—симпатичный образъ моего покойнаго учителя побудили меня составить настоящій біографическій очеркъ. Въ основу послѣдняго положены исключительно архивныя данныя, хранящіяся при дѣлахъ Харьковского Университета, изложенныя въ строго-хронологическомъ порядкѣ.

Хотя покойный проф. Ал. Сам. Питра былъ разносторонне образованъ и много читалъ и зналъ, но печатныхъ научныхъ трудовъ у него было мало. Имъ напечатаны только докторская диссертация „Медико-топографическое описаніе г. Харькова“ и одно кратенькое судебно-медицинское сообщеніе „Смерть чрезъ повѣшеніе за ногу“. Какъ профессоръ и лекторъ, судя по тому времени, когда я былъ его ученикомъ, онъ не пользовался особенной славой и лекціи его посѣщались студентами не особенно усердно. Былъ ли тутъ виноватъ лекторъ—трудно сказать, такъ какъ не нужно забывать и того, что судебная медицина и гигиена въ то время считались студентами второстепенными

¹⁾ „Харьковскія Вѣдомости“, 1901 г. Сент. 17. № 241.

предметами, а потому молодежь относилась къ лекціямъ по этимъ предметамъ не такъ внимательно, какъ къ лекціямъ по другимъ предметамъ. Быть можетъ и поздній часъ лекціи (Проф. Питра читалъ по большей части отъ 2—3 часовъ) былъ тоже причиною вялаго посѣщенія лекцій, такъ какъ молодежь обыкновенно уже была переутомлена посѣщеніемъ клиникъ и лекцій въ утренніе часы. Вся духовная пища молодежи по предметамъ судебной медицины, гигиѣны съ эпизоотією ограничивалась или одними записками, или съ добавленіемъ руководства Беккереля по гигиѣ и Шауенштейна по судебной медицинѣ. По личнымъ воспоминаніямъ, я долженъ сказать, что если Ал. Сам. не отличался особеннымъ краснорѣчіемъ, то несомѣнно онъ относился съ особеннымъ интересомъ и даже увлеченіемъ къ излагаемому на лекціи, въ особенности по предмету судебной медицины. Нѣкоторые отдѣлы судебной медицины, какъ напр.: о насильственной смерти чрезъ прекращеніе дыханія механическими средствами, о распознаваніи на трупѣ прижизненныхъ поврежденій, объ изнасилованіи, о дѣтоубійствѣ и многіе другіе излагались имъ очень обстоятельно съ приведеніемъ литературы, казуистики и собственныхъ наблюденій. Хорошо знакомый съ литературой и богатый опытнымъ наблюденіями на вскрытіяхъ и экспериментальными изслѣдованіями Ал. Сам. вносилъ въ свои лекціи много того, чего нельзя было найти въ ходячихъ учебникахъ. Въ особенности поучительны были съ нимъ частныя бесѣды по специальнымъ вопросамъ судебной медицины. Его наставленія и практическіе совѣты всегда были полны глубокаго знанія своего предмета, въ чемъ не рѣдко приходилось убѣждаться, при всестороннемъ обсужденіи какого-либо частнаго судебно-медицинскаго случая. Какъ экзаменаторъ Ал. Сам. былъ высшей степени снисходительный и кажется ни одинъ изъ его учениковъ не могъ пожаловаться на строгій экзаменъ и на полученіе неудовлетворительной отмѣтки.

Какъ профессоръ Ал. Сам. строго выполнялъ свои обязанности: читалъ лекціи и производилъ судебно-медицинскія вскрытія. Какъ членъ факультета онъ поднималъ свой голосъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, дѣло было поставлено неправильно. Поступалъ онъ въ такихъ случаяхъ, согласно съ своими убѣжденіями, по долгу совѣсти, обязанности и главнымъ образомъ правды, не увлекался никакими партійными принципами. Послѣдніе годы своей службы въ Университетѣ Ал. Сам. былъ озабоченъ обезпеченіемъ преподаванія по разнымъ предметамъ его кафедры на будущее время, съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ нѣсколько представленій различныхъ, извѣстныхъ своими учеными работами лицъ, въ Харьковскій медицинскій факультетъ для замѣщенія

ими какъ преподавателями различныхъ отдѣловъ и предметовъ по занимаемой имъ каѳедрѣ

Въ теченіе своей службы Ал. Сам. былъ Высочайше награжденъ, разновременно, чинами до дѣйствительнаго статскаго совѣтника включительно и всѣми орденами до Св. Владиміра 3 ст. включительно. Кромѣ того онъ былъ осчастливленъ Царскою наградою—золотые часы съ такою же цѣпочкой и бронзовою медалью на Андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 г.

Альбертъ (Карлъ) Самойловичъ Питра родился 14 сентября 1825 г. въ г. Харьковѣ; отецъ его Самуилъ Питра, мать Якобина (урожденная Бартельсъ) ¹⁾. Самуилъ Ивановичъ Питра служилъ приспѣшникомъ физическаго кабинета. Среднее воспитаніе получилъ Ал. Сам. во 2-й Харьковской гимназій, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ Харьковский Университетъ на медицинскій факультетъ. Окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ Университетѣ съ званіемъ лѣкаря съ отличіемъ (*sum eximia laude*) 10-го іюня 1849 г. (Дипломъ выданъ 23 іюня 1849 г., на которомъ обозначено, что Министромъ Нар. Просв. въ то время былъ Сергѣй Уваровъ, Попечителемъ Харьк. Учебн. Округа Сергѣй Кокошкинъ, Ректоромъ Алексѣй Куницынъ, деканомъ мед. фак. Фед. Ганъ). По окончаніи курса наукъ Ал. Сам. назначенъ 4-го сентября 1849 г. помощникомъ ординатора, а въ 1850 г. 29 апрѣля ординаторомъ терапевтическаго и акушерскаго отдѣленій клиники Харьковского Императорскаго Университета ²⁾. Въ 1850 г. января 4-го удостоенъ по экзамену званія уѣзднаго врача.

По порученію правленія университета исправлялъ должность врача своекоштныхъ студентовъ и ветеринарныхъ воспитанниковъ безъ жалованья, съ 22 декабря 1850 г. по 1-е марта 1852 г. Въ томъ же 1852 г. Ал. Сам. держалъ экзаменъ на акушера, какъ Члена Врачебной Управы и 4-го іюня 1852 г. представилъ въ медицинскій факультетъ описаніе (на латинскомъ языкѣ) двухъ произведенныхъ имъ акушерскихъ операций въ акушерской клиникѣ, при неправильныхъ положеніяхъ младенцевъ. 1-й случай—поворотъ на головку, у—роженицы, харьковской обывательки, 18-ти лѣтъ. Показаніе къ операци: а) косо-поперечное положеніе плода съ выпаденіемъ праваго плеча, б) выпаденіемъ пуповины, с) опасность для жизни ребенка, d) маточное кровотеченіе и e) слабыя

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Дѣло Совѣта 1857 г. № 126.

²⁾ Формулярный списокъ о службѣ ординарнаго профессора Альберта Самойловича Питра. 1865 г.

сокращенія матки. Исходъ операціи исполнѣнъ благопріятный. Что операцію Питра производилъ самъ, это засвидѣтельствовано ординаторомъ клиники Фил. Лангомъ и Инспекторомъ Врачебной Управы Горбаневымъ. 2-я операція—поворотъ на ножки (Крестьянка 23 лѣтъ. Показаніе къ операціи: а) косое положеніе плода, б) воды прошли, с) предлежало туловище, d) ребенокъ живой и его легко было повернуть и е) маточное кровотеченіе. Исходъ операціи превосходный для плода и матери. Что операцію производилъ Питра, это засвидѣтельствовали директоръ клиники Ганъ и Инспекторъ Врачебной Управы Горбаневъ. Іюля 9-го 1852 года Ал. Сам. былъ удостоенъ по экзамену званія акушера, какъ члена Врачебной Управы.

Въ 1852 г. іюля 15-го Управляющимъ Харьковскимъ учебнымъ округомъ Ал. Сам. Питра былъ назначенъ врачомъ Харьковской Губернской (первой) гимназіи и благороднаго при ней пансіона. Въ этой должности Питра состоялъ по 24 іюня 1857 года, когда былъ уволенъ, по прошенію, г. управляющимъ Министерствомъ Нар. Просвѣщенія.

Въ 1854 г. утвержденъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника со старшинствомъ (съ 4 сентября 1849 года).

Въ 1853-мъ году Ал. Сам. приступилъ къ экзамену на степень доктора медицины.

По окончаніи теоретическаго и практическаго экзамена на степень доктора медицины А. С. Питра представилъ 16 февраля 1854 года ¹⁾ въ медицинскій факультетъ въ рукописи свою диссертацию на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „*Specimen topographiae medicae Charcowiensis*“. Работа эта передана была Э. О. профессору Свиридову для предварительнаго разсмотрѣнія и доставленія въ факультетъ критическаго о ней разбора. Въ засѣданіи факультета 26-го марта того же года ²⁾ заслушанъ былъ критическій разборъ диссертациі лѣкаря Питры, представленный проф. Свиридовымъ, слѣдующаго содержанія:

„Счастливый выборъ предмета диссертациі составляетъ важную заслугу во многихъ отношеніяхъ. Но избравъ медико-топографическое описаніе г. Харькова и его окрестностей, г. Питра понялъ обширность своего предмета, а потому и представилъ его въ видѣ опыта (specimen). Для удобнаго обзора предметовъ, я раздѣляю диссертацию на нѣсколько статей.

Первая статья диссертациі: *Origo et historia urbis Charcowiae*: здѣсь показано начало Харькова, въ 1663 году, какъ одного изъ трехъ городовъ, служившихъ оплотомъ для Великоросіи отъ татарскихъ на-

¹⁾ Арх. Харьк. ун-в. Журналъ засѣд. мед-ц. фак. 1854 г. 16-го февраля.

²⁾ Арх. Харьк. ун-в. Журналъ засѣд. мед-ц. фак. 1854 г. 26 марта.

бѣговъ. Представляя главные моменты исторіи Харькова, на основаніи извѣстныхъ историческихъ данныхъ, авторъ удачно соединилъ краткость изложенія съ полнотою и ясностью. Причины процвѣтанія Харькова авторъ справедливо приписываетъ: 1) центральному положенію этого города, между южною и сѣвѣрною Россіею, отъ этого богатство и многочисленность ярмарокъ; 2) присутствію университета и многихъ другихъ учебныхъ заведеній, и благодѣтельной заботливости генералъ-губернаторовъ и начальниковъ губерній о здоровости города.

Вторая статья: De loci situ, излагаетъ географическое положеніе Харькова и указываетъ на причины, благопріятствовавшія образованію озеръ, болотъ и проч.

Третья статья: Natura soli. Богатство харьковской почвы и минералогическія свойства оной изложены самымъ отчетливымъ образомъ.

Четвертая статья: De aquis. Описавъ воды Харькова и окрестностей его, въ діететическомъ отношеніи, авторъ приложилъ химическій анализъ оныхъ, сдѣланный г. фармацевтомъ Картелемъ. Причины нечистоты воды въ нашихъ рѣчкахъ (rivus) авторъ основательно объясняетъ и доказываетъ, что очищеніе ихъ и поднятіе береговъ увѣнчиваются благодѣтельными послѣдствіями, относительно уменьшенія болѣзней въ городѣ.

Пятая статья: De flora. Интересныя наблюденія нашего почтеннѣйшаго ботаника украинской флоры профессора Черняева, изустно сообщенныя автору, служили основаніемъ этой статьи, а списокъ растений здѣшняго края, помѣщенный въ концѣ, ясно говоритъ, что авторъ дѣлалъ и собственныя наблюденія надъ многообразною растительностью здѣшней страны.

Шестая статья: De fauna ¹⁾. Поименовавъ животныхъ, пребывающихъ или постоянно, или временно въ здѣшнемъ краѣ, авторъ оканчиваетъ эту статью вычисленіемъ рыбъ, наибаче употребляемыхъ здѣсь въ пищу.

Седьмая статья: De climate. Авторъ воспользовался многолѣтними наблюденіями проф. В. И. Лапшина и поучительными его выводами о средней температурѣ нашего края и показалъ, при этомъ, вліяніе климата на растительность и на человѣка.

Восьмая статья: De humore nostri aëris. Опредѣляя количество дождя, авторъ руководствовался изслѣдованіями проф. Лапшина, присоединивъ и собственныя свои наблюденія.

¹⁾ Эта глава диссертации представляетъ краткое извлеченіе изъ рѣчи проф. А. В. Черняя „О фаунѣ Харьковской губерніи“, произнесенной на актѣ Харьковского университета въ 1850 году. *Мимр. Поповъ*.

Девятая статья: De ventis. Описывая вѣтры здѣшной страны, авторъ обратилъ особенное вниманіе на болѣзни, свойственныя различнымъ временамъ года, смотря по качеству и силѣ вѣтра. Свѣдѣнія почерпнутыя изъ вѣдомостей Харьковской врачебной управы, съ 1842 по 1850 годъ, дали возможность автору подтвердить свое мнѣніе фактами. Въ концѣ этой статьи авторъ представляетъ родъ ежемѣсячнаго календаря, касательно теплоты, холода, перемѣны воздуха, вѣтровъ, господствующихъ болѣзней и проч. Таблицы метеорологическихъ наблюдений профессора Лапшина за нѣсколько лѣтъ служатъ поясненіемъ интересныхъ предметовъ этой статьи.

Десятая статья: De urbe. Здѣсь описано положеніе Харькова и его частей, и въ концѣ диссертациі приложенъ планъ города, снятый съ натуры архитекторомъ Македонскимъ. Описывая подробно каждую часть города, авторъ указываетъ на тѣ вліянія, которыя дѣйствовали вредно на здоровье жителей и на тѣ мѣры, которыя приняты къ удаленію оныхъ, по распоряженію г-на генераль-губернатора Сергія Александровича Кокошкина. Упомянувъ о замѣчательныхъ церквяхъ въ городѣ, авторъ приступилъ къ описанію зданій университетскихъ и ученыхъ пособій, какъ-то: кабинетовъ, библіотеки и проч. Потомъ говорить авторъ о зданіяхъ, гдѣ образуются дѣти изъ духовнаго званія, объ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ и гимназіяхъ. Принадлежности каждаго изъ этихъ заведеній оцѣнены весьма удовлетворительно въ гигиеническомъ и другихъ отношеніяхъ. Далѣе упоминается кратко: объ арестантскомъ домѣ гражданского вѣдомства, тюремномъ замкѣ, театрѣ, присутственныхъ мѣстахъ и дѣтскомъ пріютѣ. Потомъ авторъ переходитъ къ описанію частныхъ зданій, рассматриваетъ матеріалы, изъ коихъ устраиваются дома, расположеніе ихъ и способъ согрѣванія. Отдавая преимущество голландскимъ печамъ предъ амосовскими, авторъ указываетъ и вредныя вліянія оныхъ на здоровье жильцовъ въ домѣ. Устройство печей Утеръ-Марковскихъ и Шамаевскихъ начало недавно распространяться въ Харьковѣ и авторъ справедливо считаетъ ихъ самыми благодѣтельными для здоровья. Состояніе главныхъ улицъ, площадей, набережныхъ, рядовъ, лавокъ и садовъ описано аккуратно. Говоря о кладбищахъ, авторъ указалъ на важный недостатокъ въ Харьковѣ, а именно: отсутствіе домовъ для помѣщенія покойниковъ.

Одинадцатая статья: De incolis. Сказавъ о вліяніи рода жизни на здоровье жителей, авторъ описываетъ характеръ малоросса и домашній его бытъ, и выставляетъ хорошія отличительныя свойства, напр.; гостепріимство и проч., онъ не упустилъ изъ виду и склонности къ злоупотребленію спиртныхъ напитковъ. Раздѣляя жителей Харькова на

три класса, по образу жизни и степени развитія умственныхъ способностей, авторъ весьма удачно подмѣтилъ многія особенности каждаго изъ этихъ классовъ. Затѣмъ говоритъ о фабрикахъ и вредностяхъ отъ занятій на оныхъ, равно какъ о средствахъ къ предупрежденію болѣзней рабочихъ.

Девятнадцатая статья: De educatione. Здѣсь указаны заведенія, которыми такъ богатъ Харьковъ, что каждый классъ жителей можетъ получать образованіе сообразно своему состоянію. Авторъ очень кстати замѣтилъ, что отъ устройства коллегіума въ Харьковѣ, съ 1727 года, до открытія университета, 1805 года, дѣти духовнаго званія и дѣти дворянъ часто воспитывались вмѣстѣ, и что коллегіумъ былъ разсадникомъ просвѣщенія для пѣлаго южнаго края. Но открытіе университета и Харьковской губернской гимназіи подало поводъ къ открытію многихъ частныхъ пансіоновъ: мужскихъ и женскихъ и всѣ классы общества получили возможность давать высшее образованіе своимъ дѣтямъ.

Тринадцатая статья: De vestitu. Одежда и обувь въ гигиеническомъ отношеніи кратко, но удовлетворительно описаны и указанъ вредъ для здоровья отъ шнуровокъ и тѣсныхъ поясовъ у молодыхъ субъектовъ.

Четырнадцатая статья: De cibo et potu. Пища и питье, какъ важные предметы гигиены, подробно разсматриваются. Авторъ сдѣлалъ вѣрное замѣчаніе, что жители Харькова любятъ рыбу, особенно вяленную и соленую, и мучнистую пищу, изъ которой приготовляются галушки, вареники и проч. Этимъ то и можно объяснить, отчасти, вялость и медленность натуры малоросса, какъ утверждаетъ авторъ. Что касается до напитковъ, то здѣшніе простые жители любятъ горѣлку болѣе всего, а высшій классъ истребляетъ вина въ огромномъ количествѣ. Но зато чай только между пріѣзжими и переселенцами изъ Вѣлкороссіи имѣетъ своихъ поклонниковъ. Неумѣренное употребленіе чайнаго настоя рѣдко влечетъ несчастныя послѣдствія, между тѣмъ какъ горѣлкою многіе преждевременно прекращаютъ свою жизнь. Интересно что *delirium tremens* встрѣчается здѣсь рѣдко отъ злоупотребленія спиртныхъ напитковъ, а очень часто случается апоплексическій ударъ, какъ это замѣтилъ авторъ.

Пятнадцатая статья: De frequentia incolarum et de numero mortuorum. Всѣ таблицы этой статьи почерпнуты авторомъ изъ вѣдомостей Харьковскаго гражданскаго губернатора, ежегодно представляемыхъ для Всеподданнѣйшаго отчета.

Шестнадцатая статья: De re medicinali. Авторъ является при этомъ вѣрнымъ наблюдателемъ природы, отдаетъ справедливую похва-

лу заслугамъ профессоровъ медицинскаго факультета, указываетъ недостатки устройства клиникъ университетскихъ, и, несмотря на то, счастливые результаты лѣченія больныхъ. Говоря о больницѣ Приказа общественнаго призрѣнія, авторъ подробно выставляетъ невыгоды этого заведенія и доказываетъ необходимость другой больницы, въ центрѣ самого города.

Семнадцатая статья: Observationes de potioribus Charkowiae morbis. Авторъ говоритъ, что въ Харьковѣ нѣтъ особенныхъ болѣзней, по недостатку особыхъ причинъ. Но многія изъ обыкновенныхъ страданій чаще другихъ встрѣчаются. Сюда принадлежатъ: 1) различнаго рода горячки; 2) перемежающаяся лихорадка, которая здѣсь почти круглый годъ господствуетъ, будучи поддерживаема и возбуждаема болотистыми испареніями. Наблюденія, сдѣланныя авторомъ, какъ здѣсь такъ и въ Крыму подтверждаютъ это. Здѣсь приложены таблицы за 10 лѣтъ: о числѣ больныхъ, страдавшихъ горячками и лихорадками, пользованныхъ въ городской больницѣ; и за 5 лѣтъ о числѣ таковыхъ больныхъ, лѣчимыхъ въ клиникахъ университета; 3) *тифъ*; интересны замѣчанія автора, что болѣзнь эта рѣдко поражаетъ людей высшаго класса, но за то труднѣе ими переносится, что чаще страдаютъ ремесленники и простой народъ, но легко переносятъ, хотя съ другой стороны не рѣдко они умираютъ въ періоды выздоровленія отъ невоздержанности. Перехожденіе тифа въ перемежающуюся лихорадку и обратно замѣчено авторомъ. 4) *Ехантемата*. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что оспа натуральная часто поражаетъ здѣсь не только дѣтей, но и взрослыхъ, что *Urticaria* упорна и къ рецидивамъ склонна.

Восемнадцатая статья: Diarrhoea, Dysenteria et Cholera sporadica. Болѣзни эти свойственны цѣлой Малороссіи и поражаютъ преимущественно рабочій классъ народа, особливо во время полевыхъ работъ, въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ. Простуда и неумѣренное употребленіе незрѣлыхъ плодовъ и овощей суть главные причины оныхъ. Тутъ же упоминаетъ авторъ и *de cholera orientali*, которая господствовала въ 1847, 48 и 53 годахъ. Болѣзнь эту авторъ почитаетъ заразительною и приводитъ доказательства въ пользу этого мнѣнія. Говоря о воспалительныхъ болѣзняхъ, авторъ старается доказать, что присутствіе озона въ воздухѣ есть одна изъ причинъ частаго страданія дыхательныхъ путей. Особое вниманіе обращаетъ авторъ на пораженіе глазъ, которое свирѣпствуетъ иногда эпидемически, избирая молодыхъ субъектовъ, напримѣръ — рекрутъ.

Девятнадцатая статья. Изъ хроническихъ болѣзней авторъ останавливается надъ туберкулезнымъ пораженіемъ легкихъ и дѣлаетъ

вѣрное замѣчаніе, что многіе врачи смѣшиваютъ *bronchitidem chronicam cum tuberculosi*. *Rheumatismus* принадлежитъ тоже къ частымъ болѣзнямъ здѣшнихъ мѣстъ и не щадитъ простой народъ, преданный часто злоупотребленію спиртныхъ напитковъ. Часто болѣзни сердца зависятъ тоже отъ ревматизма. *Hydrops, ascitis a degeneratione albuminosa renum, oedema pulmonum acutissimum* часто встрѣчаются въ здѣшнемъ краю. *Scorbutus* посѣщаетъ ежегодно жителей, а иногда является эпидемически, какъ на примѣръ въ 1849 году.

Двадцатая статья: Syphilis. Авторъ замѣчаетъ, что эта болѣзнь часто распространяется въ народѣ и поражаетъ цѣлыя семейства. Въ самомъ же городѣ замѣтно уменьшеніе оной, и это зависитъ отъ дѣятельныхъ медико-полицейскихъ мѣръ, относительно осмотра публичныхъ женщинъ.

Двадцать первая статья: Chlorosis, Metritis. Частое появленіе *chlorosis* замѣчается не только между дѣвицами высшаго класса, какъ это замѣтилъ авторъ выше, но и между низшими классами; болѣзнь эта поддерживается, по словамъ автора, воспаленіемъ мукозной перепонки матки и пораженіемъ симпатическаго большого нерва; но рѣдко распознается, если врачъ не сдѣлаетъ изслѣдованія половыхъ органовъ. Что касается до остраго воспаленія матки, то оно чаще бываетъ у родильницъ. Хроническое же воспаленіе поражаетъ субъектовъ разнаго возраста, начиная отъ 14-ти лѣтъ; по большей части бываетъ ограничено небольшимъ пространствомъ матки. Отъ этого происходитъ множество болѣзней матки и ея частей, которыя сопровождаются *fluore albo, sterilitate* и проч. Отъ наблюдательности автора не ускользнуло *Colpitis chronica granulata* и онъ сообщаетъ вѣрное описаніе этой болѣзни. Говоря о дѣтскихъ болѣзняхъ, авторъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на частое употребленіе теплыхъ купаній, къ которымъ крестьянки прибавляютъ хмѣль и маковыя головки, отъ чего бывають смертельныя послѣдствія.

Статья двадцать вторая: De epizootiis. Обиліе домашнихъ животныхъ, разводимыхъ въ здѣшнемъ краю, заставило автора обратить вниманіе на эпизоотическія болѣзни оныхъ. *Pestis bovum, Pleuro-pneumonia, aphtae, Lienitis, hydrophobia et dysenteria*—описаны удовлетворительно. Далѣе описаны эпизоотическія болѣзни лошадей, овецъ, свиней и птицъ.

Изъ этого краткаго обзора главныхъ предметовъ диссертациі г. Питры видна обширность и многосторонность свѣдѣній, особенная способность наблюдать природу и правильность сужденій, въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно дать мнѣніе о вопросѣ въ наукѣ. Авторъ добро-

совѣстно указываетъ источники, которыми онъ пользовался и воздаетъ каждому должную похвалу. Языкъ диссертациі правильный. Если нѣкоторые предметы едва упомянуты авторомъ, напримѣръ: душевныя болѣзни, освѣщеніе зданій, проституція и другіе, за то многіе разсматриваются самымъ подробнымъ и отчетливымъ образомъ. Вообще диссертацию г. Питры я нахожу вполне удовлетворительною“.

По выслушаніи рецензіи проф. Свиридова, члены факультета, обсудивъ достоинства диссертациі, признали ее удовлетворительною и, не находя въ ней ничего противъ правилъ цензуры, разрѣшили г. Питрѣ ее напечатать, на основаніи § 29 правилъ объ испытаніяхъ.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 25-го мая 1854 года г. Питра представилъ печатные экземпляры своей диссертациі, подъ названіемъ: „*Specimen topographiae medicae Charkowiensis*“. Диссертациа напечатана была въ Университетской типографіи. Она заключаетъ въ себѣ 145 стр. in 8°. Въ концѣ диссертациі приложены: а) 14 таблицъ термометрическихъ, барометрическихъ и вѣтровъ г. Харькова, б) планъ г. Харькова и с) 10 нижеслѣдующихъ положеній:

I. Paludes hujus regionis principalem conditionem sistunt grassantium hic februm intermittentium.

II. A situ Charcowiae creberrimi rheumatismi dependent.

III. Aquilo omnium aliorum ventorum pessimum efercet influxum in sanitatem incolarum hujus loci.

IV. Rationes prophylacticae totam nostram regionem a peste bovilla praecavere possunt.

V. Cholera orientalis est morbus contagiosus.

VI. Exercitio ventriculi necessaria est.

VII. Ulcera syphilitica secundaria sunt contagiosa.

VIII. Cannabis indica est remedium praestantissimum in multis metrorrhagiis.

IX. Multa illa remedia, quae vulgo pro diureticis habentur, diuretica non sunt.

X. Sunt certa signa mortis ante putredinem corporis.

На предстоящій диспутъ медицинскій факультетъ назначилъ официальными оппонентами гг. проф. Альбрехта, Демонси и Свиридова, а день защиты назначенъ на 3-е іюня въ 11-ть часовъ утра. На диспутѣ кромѣ официальныхъ оппонентовъ дѣлали возраженія еще гг. проф. Ходневъ, Эйнбродтъ и Нарановичъ. Защита диссертациі признана была факультетомъ удовлетворительною и А. С. Питра удостоенъ былъ степени доктора медицины, въ каковой степени и утвержденъ 10-го іюня 1854 г.

Въ 1854 г. 6-го октября за отлично-усердную службу врачомъ при первой Харьковской гимназіи Питръ объявлена особенная благодарность г. управляющимъ Харьковскихъ учебнымъ округомъ и одновременно онъ былъ произведенъ за выслугу лѣтъ въ коллежскіе ассессоры.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 10 сентября 1854 года заслушанъ былъ рапортъ проф. Калениченко слѣдующаго содержанія ¹⁾: „Въ Высочайшемъ Имянномъ Указѣ, данномъ въ 12-й день апрѣля 1850 года Правительствующему Сенату, о приведеніи въ дѣйствіе устава и штата Ветеринарнаго училища въ Харьковѣ, между прочимъ, въ пунктѣ 2-мъ изображено, что по упраздненіи въ Харьковскомъ университетѣ ветеринарной каѳедры, опредѣлить въ оный для изложенія въ медицинскомъ факультетѣ ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней особаго адъюнкта при каѳедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи, съ жалованьемъ и квартирными деньгами наравнѣ съ прочими адъюнктами того университета, на что и обратить 657 р. 64 коп. сер. въ годъ, остающіеся свободными отъ суммы, назначенной по штату Харьковского университета 26 іюля 1835 года на ветеринарную каѳедру съ принадлежностями. Бывшій г. министръ народнаго просвѣщенія, препроводивъ въ маѣ мѣсяцѣ 1850 года къ г. управляющему Харьковскимъ учебнымъ округомъ копію съ означеннаго указа, между прочимъ спрашивалъ кого имѣеть его превосходительство въ виду для замѣщенія должности адъюнкта въ университетѣ при каѳедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи для изложенія въ медицинскомъ факультетѣ ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней, по упраздненіи въ университетѣ каѳедры ветеринарной науки, что должно послѣдовать вмѣстѣ съ преобразованіемъ ветеринарной школы въ отдѣльное училище? На это его превосходительство Сергѣй Александровичъ (Кокошкинъ) изволилъ отозваться, что чтеніе означенныхъ лекцій, до опредѣленія особаго адъюнкта, онъ находитъ возможнымъ поручить временно директору ветеринарнаго училища. Покойный министръ князь Ширинскій-Шахматовъ, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, изъяснилъ въ отношеніи къ г. управляющему округомъ отъ 28 іюня 1851 года за № 6223, что чтеніе въ медицинскомъ факультетѣ ветеринарной полиціи эпизоотическихъ болѣзней должно быть продолжаемо г. Галицкимъ и при новомъ назначеніи его въ должность директора безъ особаго вознагражденія, пока не будетъ опредѣленъ для сего особый адъюнктъ, что должно послѣдовать съ окончательнымъ преобразованіемъ ветеринарной школы въ отдѣльное училище и съ упраздненіемъ вмѣстѣ съ

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Журналъ Засѣд. Мед. Факультета 10-го сентября 1854 г.

тѣмъ при Харьковскомъ университетѣ каѳедры ветеринарной науки. Въ настоящее время, по совершенномъ преобразованіи ветеринарнаго училища, директоръ оного г. Галицкій, будучи обремененъ исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по училищу, затрудняется продолжать чтеніе въ университетѣ ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней. По сему обязанность медицинскаго факультета озаботиться пріисканіемъ особаго преподавателя для чтенія этихъ наукъ на изъясненномъ основаніи.

Вслѣдствіе чего, принимая живѣйшее участіе въ пользахъ факультета, котораго я имѣю честь быть членомъ, считаю обязанностью рекомендовать факультету, для замѣщенія должности адъюнкта при упомянутой каѳедрѣ, для чтенія ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней, воспитанника нашего университета врача при здѣшней 1-й гимназій Альберта Питру, недавно удостоеннаго факультетомъ степени доктора медицины. Зная г. Питру съ отличной стороны, какъ молодого врача, постоянно и не утомимо слѣдящаго за ходомъ медицинскихъ наукъ, я рекомендую его тѣмъ съ большею увѣренностію для чтенія ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней, что въ диссертациі своей, представленной на степень доктора онъ разсматриваетъ между прочимъ и эпизоотическія болѣзни, встрѣчающіяся въ здѣшнемъ краѣ, изъ чего видно, что онъ основательно изучилъ этотъ отдѣлъ медицинскихъ наукъ, и въ диссертациі этой представилъ доказательства наблюдательнаго ума и ученой дѣятельности по разнымъ предметамъ врачебной науки; вообще г. Питра, судя по его любви къ наукѣ и ученымъ занятіямъ, можетъ по моему убѣжденію съ особенною пользою занять мѣсто адъюнкта при означенной каѳедрѣ. Я надѣюсь, что и прочіе члены факультета, знающіе Питру какъ своего воспитанника, какъ ординатора, и наконецъ испытывавшіе его на степень доктора, раздѣлятъ мое мнѣніе о немъ. При чемъ, если факультетъ удостоитъ Питру избраніемъ на должность адъюнкта ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней, то, такъ какъ для чтенія этихъ предметовъ назначено незначительное число часовъ, весьма полезно было бы поручить Питрѣ, кромѣ этихъ предметовъ чтеніе общей патологіи и діететики“.

Медицинскій факультетъ, выслушавъ рапортъ проф. Калениченко и соглашаясь съ его мнѣніемъ, касательно опредѣленія г. Питры адъюнктомъ при каѳедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи, для чтенія ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней, и, если надобность укажетъ и другихъ предметовъ по усмотрѣнію факультета, положилъ представить о семъ совѣту университета.

Представленіе факультета имѣло благопріятный исходъ въ совѣтѣ университета, который, избравъ Питру адъюнктомъ, представилъ къ утвержденію его въ этой должности.

17-го ноября 1854 г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ Питру адъюнктомъ Харьковскаго университета при кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи для чтенія ветеринарной полиціи, эпизоотическихъ болѣзней и другихъ, по усмотрѣнію медицинскаго факультета, предметовъ.

Вслѣдствіе предложенія г. ректора ¹⁾, медицинскій факультетъ, рассмотрѣвъ предварительно и одобривъ представленныя Питрою программы преподаванія, назначилъ ему для чтенія во 2-мъ полугодіи 1854—55 акад. года ветеринарной полиціи и эпизоотологіи 4 часа въ недѣлю. Кромѣ того, по просьбѣ проф. Свиридова ²⁾, медицинскій факультетъ поручилъ Питрѣ участвовать при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ. Въ слѣдующемъ 1855—56 акад. году Питра читалъ медицинскую полицію съ гигиеной и діететикой.

Въ 1855 году А. С. Питра получилъ приглашеніе занять мѣсто директора Харьковскаго дѣтскаго пріюта. Альбертъ Самойловичъ охотно принялъ это предложеніе и послѣ полученнаго разрѣшенія отъ г-на министра народнаго просвѣщенія 30 октября 1855 г. Питра допущенъ былъ къ занятію этой должности, въ которой и утвержденъ 10-го февраля 1856 года по Высочайшему повелѣнію Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Во время бывшей Крымской войны (1853—1856), когда въ Харьковѣ устроенъ былъ временный военный госпиталь, для транспортированныхъ съ юга больныхъ и раненыхъ, А. С. Питра, безвозмездно, работалъ въ 7-мъ отдѣленіи этого госпиталя (бывшій домъ Андреева на Рыбной улицѣ), который вмѣщалъ въ себѣ 234 человекъ больныхъ. Завѣдующимъ 7-мъ отдѣленіемъ былъ проф. Калениченко, а помощникомъ его состоялъ Питра. Въ этомъ отдѣленіи А. С. Питра работалъ съ 27 сентября 1855 г. по 5-е марта 1856 г. За эту усердную службу Питрѣ пожалованъ 21-го августа, 1856 г. обыкновенный подарокъ въ 143 рубля (золотые часы съ цѣпочкой) и кромѣ того въ мартѣ (16) 1857 года ему объявлена Монаршая благодарность.

Въ 1856 году, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, А. С. Питра былъ откомандированъ Харьковскимъ университетомъ въ южную армію для пользованія воиновъ отъ появившихся болѣзней тифа и

¹⁾ Арх. Харьк. унив. Журн. зас. мед. фак. 7-го декабря 1854.

²⁾ Арх. Харьк. унив. Журн. зас. мед. фак. 20-го декабря 1854.

поноса, куда онъ и отправился 5-го марта ¹⁾. На время командировки чтение лекцій по предметамъ читаннымъ Питрою поручено было медицинскимъ факультетомъ продолжать проф. Свиридову. За отличное усердіе, примѣрную дѣятельность и успѣшное исполненіе обязанностей, порученныхъ А. С. Пятрѣ, во время прикомандированія его къ госпиталямъ южной арміи, по представленію начальника главнаго штаба 2-й арміи генерала Червинскаго, Пятра былъ Всемилоостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Станислава 3 ст. 17-го ноября 1856 г.

На основаніи Всемилоостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1856 г. А. С. Пятрѣ выдана темная бронзовая медаль въ память войны 1853—1856 г. для ношенія на Андреевской лентѣ.

Въ 1856 году мая 27-го Пятра подалъ прошеніе г. попечителю Харьковскаго учебнаго округа Катакази о командированіи его на годъ за границу, чтобы ближе познакомиться съ настоящимъ развитіемъ медицинскихъ наукъ и въ особенности усовершенствовать себя въ экспериментальной физиологіи и эпизоологіи. Вслѣдствіе ходатайства попечителя, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія согласился на отправленіе Пятра за границу: въ Германію, Италію и Францію для ближайшаго ознакомленія съ преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ, входящихъ въ составъ каедръ врачебнаго законовѣдѣнія. Пятра былъ командированъ на свой счетъ, но съ сохраненіемъ адъютантскаго содержанія. Какъ неперемѣнное условіе было постановлено, чтобы Пятра, по возвращеніи изъ-за границы, представилъ отчетъ о своей командировкѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ Пятра выѣхалъ за границу, гдѣ оставался болѣе года, такъ какъ, по просьбѣ его, командировка его была продолжена еще на 4 мѣсяца. Возвратился въ Харьковъ 24-го декабря 1858 года и вступилъ снова въ отправленіе своихъ обязанностей. Командировка зачислена ему въ число лѣтъ службы, а потому 10-го іюня 1853 г., за выслугу лѣтъ, Пятра былъ произведенъ въ надворные совѣтники ³⁾.

Отчетъ о командировкѣ Пятра представилъ ректору университета 28 іюля 1859 года. Изъ представленнаго отчета (126 писанныхъ страницъ—31½ листа) видно, что первый городъ, который посѣтилъ Пятра

¹⁾ Арх. Харьк. унив. Дѣло Совѣта 1856 г. № 34. Одновременно съ Пятрой былъ командированъ въ Крымъ проф. Т. С. Иллинскій и кромѣ того 8 казенно-коштныхъ студентовъ: Вильчинскій, Зубковъ, Кириловъ, Кржечковскій, Семигановскій, Спѣсивцевъ, Янковскій и Теокистовъ. (Журн. засѣд. мед. фак. 7-го марта 1856).

²⁾ Арх. Харьк. унив. Дѣло Совѣта 1856 г. № 98.

³⁾ Арх. Харьк. унив. Дѣло Совѣта, 1858 г. № 126.

былъ Вѣна, гдѣ онъ осматрѣлъ всѣ медицинскіе кабинеты и музеи и посѣщалъ ежедневно общій госпиталь. Такъ какъ въ это время были каникулы и профессора почти всѣ разъѣхались, то Питра не оставался долго въ Вѣнѣ и уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ занимался почти весь академическій годъ. Занятія его состояли въ посѣщеніи лекцій, больницъ и судебно-медицинскихъ вскрытій. Въ Парижѣ Питра слушалъ лекціи и занимался практически: 1) по гигиенѣ, медицинской полиціи и эпизоотологіи у проф. Бушарда, 2) по врачебному законодѣнію и судебной медицинѣ у проф. Тардье, 3) по сифилитическимъ болѣзнямъ у проф. Рикора и Ланглебера, 4) по акушерству женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ у проф. Деполя, Дюбуа, Маттея и Бушю, 5) по терапіи у проф. Гилліо и Беккерель, 6) по патологической анатоміи у проф. Барта, 7) по физиологіи у проф. Беклара и Клодъ-Бернара, 8) по душевнымъ болѣзнямъ у проф. Баларже, 9) по фармакологіи у проф. Гризоля, 10) по кожнымъ болѣзнямъ у проф. Дюшенъ-де-Пара, 11) по теоретической хирургіи и офтальміатріи у проф. Госселена, и по акушерству у проф. Мальгегия и Шассеньяка. Въ своемъ отчетѣ Питра говоритъ, что Парижъ принесъ ему громаднѣйшую пользу, причемъ въ особенности восторженно и подробно передаетъ тѣ новые взгляды, которые ему пришлось услышать на лекціяхъ Бушарда, Тардье и Шассеньяка.

Изъ Парижа Питра поѣхалъ на Рейнъ для осмотра всѣхъ расположенныхъ тамъ курортовъ. Затѣмъ направился въ Мюнхенъ, гдѣ осматрѣлъ медицинскіе кабинеты и госпитали. Отсюда онъ поѣхалъ въ Падуа, гдѣ видѣлся съ проф. Ванцетти и при его содѣйствіи познакомился съ мѣстными музеями и госпиталемъ. Къ началу осенняго семестра онъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ короткое время посѣщалъ лекціи и вскрытія, а именно: по медицинской полиціи и судебной медицинѣ проф. Длауги, по патологической анатоміи проф. Рокитанскаго и д-ра Клопа, лекціи и клиники по сифилитическимъ болѣзнямъ проф. Зигмунда, по кожнымъ — проф. Гебры, акушерства и женскихъ болѣзней проф. Брауна, внутреннихъ болѣзней — проф. Опольцера и Шкоды, экспериментальныя лекціи по физиологіи проф. Брюкке и по акушерству проф. Шу. Впечатлѣніе, произведенное на Питру Вѣнской школой было очень тяжелое, преподаваніе велось въ другомъ духѣ, чѣмъ въ Парижѣ и по признанію самаго Питры Вѣна принесла ему значительно меньше пользы, сравнительно съ тѣмъ, что онъ ожидалъ.

По дорогѣ изъ Вѣны въ Берлинъ Питра побывалъ въ Лейпцигѣ специально для осмотра клиники знаменитаго Вундерлиха. Въ Берлинѣ Питра оставался тоже очень недолго, но успѣлъ, впрочемъ, ознакомить-

ся съ преподаваніемъ проф. Каспера, Р. Вирхова, Грефе, Лангенбека и Шульцъ—Шульцентайна.

По возвращеніи въ Харьковъ, Питра преподавалъ въ 1858—59 академическомъ году эпизоотологію, ветеринарную полицію и судебно-медицинскую химію. Въ засѣданіи медицинскаго факультета 1-го мая 1859 г. проф. Свиридовъ вошелъ съ предложеніемъ, чтобы преподаваніе по его кафедрѣ было раздѣлено между нимъ и адъюнктомъ Питрою и при томъ въ такомъ видѣ, чтобы *поочередно одинъ* изъ нихъ читалъ студентамъ 3-го курса медицинскую полицію, гигиену и діатетику по 4 часа въ недѣлю въ оба полугодія, врачебное законовѣдѣніе для тѣхъ же студентовъ въ первомъ (осеннемъ) полугодіи 1 часъ въ недѣлю и фармацевтамъ „о подаіи скорой помощи“ 1 часъ въ недѣлю во 2-мъ полугодіи; *другой* же долженъ излагать судебную медицину студентамъ 4-го курса по 4 часа въ недѣлю и эпизоотологію съ ветеринарной полиціею студентамъ 3 курса 1 часъ въ недѣлю во 2-мъ полугодіи. Судебно-медицинскія вскрытія со студентами 4-го и 5-го курсовъ должны быть ведены въ теченіе всего академическаго года обоими преподавателями совмѣстно. Медицинскій факультетъ принялъ предложеніе проф. Свиридова и на долю адъюнкта Питры въ 1859—60 академическ. году выпало преподавать судебную медицину.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 года секретарь медицинскаго факультета адъюнктъ Г. С. Рындовскій будучи назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ просилъ факультетъ снять съ него обязанности секретаря. Факультетъ, на основаніи § 17 устава, избралъ секретаремъ факультета адъюнкта Питру, въ каковой должности онъ и былъ утвержденъ 21-го марта 1859 года ¹⁾. Въ должности секретаря онъ состоялъ по 6-е февраля 1862 года т. е. почти 3 года.

Въ 1860 г. 18-го марта Питра выступалъ въ качествѣ официальнаго оппонента при публичной защитѣ докторской диссертациі „о слюнѣ“ лекаремъ Дм. Ив. Киселевымъ. Въ томъ-же году 15-го іюня утвержденъ въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Въ 1861 году Питра выдержалъ экзаменъ на инспектора врачебной управы и по экзамену утвержденъ въ этомъ званіи 9-го іюня того же года ²⁾. Осенью того-же года факультетъ, по случаю нахожденія проф. Свиридова въ командировкѣ, поручилъ преподаваніе всѣхъ читанныхъ предметовъ послѣднимъ А. С. Питрѣ. Въ томъ-же году 1 ноября Питра выступалъ въ качествѣ официальнаго оппонента при публичной

¹⁾ Арх. Харьк. унив. Дѣло совѣта 1859 г. № 39.

²⁾ Арх. Харьк. унив. Дѣло совѣта 1861 г. № 436.

защитѣ докторской диссертациі „Очеркъ Пятигорскихъ водъ и употребленіе ихъ при леченіи послѣдствій раненія“ лекаремъ Мукининымъ. Въ томъ-же году, съ 1-го ноября, по назначенію факультета участвовалъ въ приведеніи въ порядокъ книгъ университетской библіотеки по отдѣлу судебной медицины и гігіены.

На торжественномъ актѣ 1861 г. генваря 17-го дня, по очереди, должна была быть произнесена рѣчь однимъ изъ профессоровъ медицинскаго факультета и съ этой цѣлью А. С. Питра приготовилъ рѣчь „о насильственной смерти чрезъ прекращеніе дыханія“. Въ засѣданіи медицинскаго факультета 4-го іюня 1860 года ¹⁾ имѣли сужденіи о достоинствѣ предварительно рассмотрѣнной гг. членами факультета, рѣчи „о насильственной смерти чрезъ прекращеніе дыханія механическими препятствіями“, написанной адъюнктомъ А. С. Питрою, съ цѣлью произнесенія оной на торжественномъ актѣ въ университетѣ. При этомъ слушали рапортъ проф. Свиридова слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе предложенія медицинскаго факультета дать письменное мнѣніе о рѣчи, написанной адъюнктомъ Питрой для прочтенія оной въ торжественномъ собраніи университета, честь имѣю доложить слѣдующее: Рѣчь г. Питры „о насильственной смерти чрезъ прекращеніе дыханія механическими препятствіями“ обнимаетъ важный предметъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Многіе виды этого рода смерти требуютъ особеннаго вниманія судебного врача, чтобы по характеристическимъ признакамъ, свойственнымъ каждому изъ нихъ, умѣть отличить случайную смерть отъ насильственной. Г. Питра изложилъ слѣдующіе виды задушенія: 1) отъ препятствія проицанія воздуха въ легкія чрезъ носъ и ротъ; 2) отъ прижатія груди и живота; 3) отъ наполненія глотки, дыхательнаго горла и пищевода какими нибудь веществами; 4) отъ недостатка воздуха; 5) отъ помѣщенія въ слишкомъ тѣсномъ пространствѣ; 6) отъ засыпанія или зарытія живыми; 7) отъ сжатія помощію однихъ рукъ, посредствомъ повязки, или петли; 8) отъ повѣшенія; 9) отъ утопленія въ средѣ жидкой, въ средѣ густой. Каждый отдѣлъ излагается подробнымъ образомъ, даже припадки, которые предшествуютъ, въ нѣкоторыхъ видахъ этой смерти; угасанія жизни описываются тутъ-же. Вообще можно сказать, что въ этой рѣчи нѣтъ ничего противнаго правиламъ медицины, а потому она можетъ быть произнесена въ торжественномъ собраніи. Но г. Питра погрѣшаетъ противъ главнаго правила судебной медицины излагать предметы *кратко и ясно*; многословіе доходитъ у него часто до затемнѣнія самой мысли, которую онъ хочетъ пояснить;

¹⁾ Арх. Харьк. Univ. Журн. засѣд. мед. фак. 1860 г. 4 іюня.

повтореніе одного и того-же во многихъ мѣстахъ слова „Тардіе сдѣлалъ открытіе“, хотя Питра самъ-же говоритъ, что и прежде Тардіе знали многіе тоже самое. показываютъ односторонность взгляда. Но односторонность эта еще болѣе выражается въ томъ, что Питра забылъ о существованіи русскихъ писателей по избранному имъ отдѣлу. Ни одна статья, которыхъ много помѣщено въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ и въ другихъ врачебныхъ изданіяхъ, не заслужила вниманія автора. Ни одно русское руководство нигдѣ не упомянуто, а это необходимо было сдѣлать, хотя бы для того, чтобы показать слабую сторону оныхъ. Но многіе изъ нихъ имѣютъ свои достоинства“. Медицинскій факультетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Свиридова положилъ представить о семъ въ совѣтъ университета.

Въ засѣданіи совѣта 9-го августа 1860 года ¹⁾ рѣчь А. С. Питры была одобрена для произнесенія на торжественномъ актѣ университета, но когда возникъ вопросъ слѣдуетъ-ли баллотировать рѣчь Питры съ цѣлью напечатанія ее на казенный счетъ или нѣтъ, то въ пользу перваго подали голоса проф. Бейеръ, Масловскій, Грубе, Рындовскій, Ник. Лавровскій, Кочетовъ, Чернай и Зернинъ; другая же партія профессоровъ (большинство), а именно: Тихоновичъ, Сокальскій, Каченовскій, Добротворскій, Клобуцкій, Пахманъ, Демонси, Куницынъ, Ганъ, Альбрехтъ и Ректоръ (Рославскій-Петровскій) выразили мнѣніе, что рѣчь г. Питры не должна подлежать баллотированію, такъ какъ медицинскій факультетъ одобрилъ ее лишь для произнесенія на торжественномъ актѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1862 года ²⁾ проф. Свиридовъ извѣстилъ рапортомъ медицинскій факультетъ, что онъ, поболѣзни, не можетъ явиться къ исполненію своихъ обязанностей. Факультетъ, по обсужденіи, поручилъ чтеніе лекцій по предметамъ, читаннымъ Свиридовымъ, а также и производство судебно-медицинскихъ вскрытій адъюнкту Питрѣ. 5 ноября того-же года медицинскій факультетъ вошелъ въ совѣтъ университета съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ, которое было заслушано въ совѣтѣ 6-го ноября: Въ слѣдствіе полученнаго отъ совѣта увѣдомленія объ увольненіи г. орд. проф. Свиридова въ отставку, медицинскій факультетъ проситъ совѣтъ университета допустить къ баллотировкѣ на вакантную каѳедру судебной медицины и медицинской полициі г. адъюкта Питру. При этомъ факультетъ доноситъ совѣту, что Питра въ продолженіи 13 лѣтъ находился на службѣ при университетѣ и 8 лѣтъ состоитъ адъюнктомъ при означенной каѳедрѣ. Въ теченіе этого времени онъ преподавалъ, чередуясь съ уволеннымъ нынѣ проф. Свиридо-

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Журн. Засѣд. Совѣта Универс. 9-го августа 1860 г. Ст. 18.

²⁾ Арх. Харьк. Унив. Журн. Засѣд. медиц. фак. 10-го октября 1862 г. Ст. 285.

вымъ, всѣ предметы, входящіе въ составъ означенной каѳедры, а именно: судебную медицину, медицинскую полицію и эпизоонологію; въ послѣдніе же годы занимался со студентами 5 курса практическими судебно-медицинскими изслѣдованіями. По выслушаніи сего приступлено было къ баллотировкѣ адъюнкта Питры въ экстраординарные профессора по каѳедрѣ судебной медицины и по вскрытіи ящика оказалось избирательныхъ 10 и неизбирательныхъ 15. Въ виду такого результата, совѣтъ положилъ испросить разрѣшеніе попечителя на объявленіе конкурса по каѳедрѣ судебной медицины. Въ томъ-же году Питра просилъ факультетъ разрѣшить ему напечатать его статью „о различныхъ видахъ насильственной смерти“. Разрѣшеніе дано 22-го ноября 1862 г.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 28-го ноября 1862 г. заслушано было предложеніе совѣта съ просьбой къ факультету составить программу конкурса для лицъ желающихъ занять каѳедру судебной медицины въ этомъ университетѣ. Программа конкурса была составлена въ томъ-же засѣданіи и заключалась въ слѣдующемъ: желающій занять каѳедру судебной медицины и медицинской полиціи обязанъ представить къ 1-му мая 1863 г. въ совѣтъ Имп. Харьк. университета: 1) свидѣтельство о рожденіи и крещеніи и свѣдѣніе о своемъ школьномъ и университетскомъ образованіи. 2) Дипломъ на степень доктора медицины въ подлинникѣ, или въ засвидѣтельствованной копіи, диссертацию, написанную имъ для полученія степени доктора медицины и если соискатель состоялъ на государственной службѣ, то и формулярный списокъ о своей службѣ. 3) Подробныя свѣдѣнія о своемъ дальнѣйшемъ образованіи по окончаніи курса въ университетѣ или въ академіи, особенно подробное свѣдѣніе о теоретическихъ и практическихъ своихъ занятіяхъ по предмету судебной медицины, медицинской полиціи и судебно-медицинскихъ изслѣдованій. 4) Печатныя или рукописныя ученыя сочиненія по части судебной медицины и медицинской полиціи, свидѣтельствующія о способностяхъ и достоинствахъ соискателя къ занятію вакантной каѳедры. 5) Подробную программу лекцій по предметамъ судебной медицины и медицинской полиціи. 6) Буде соискатель удостоенъ будетъ совѣтомъ университета къ занятію должности преподавателя, то прежде утвержденія онъ обязанъ прочесть въ какомъ либо руссѣйскомъ университетѣ три пробныя лекціи, изъ коихъ двѣ на темы избранныя факультетомъ или конференціею академіи и объявленныя ему за сутки, а одну практическую на трупѣ.

На конкурсъ по каѳедрѣ судебной медицины ¹⁾ явились два конкурента: 1—исправляющій должность инспектора Архангельской Врачебной

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Журн. Зас. Мед. фак. 29 мая 1863 г. Ст. 224.

Управы, докторъ медицины *Бергъ* и 2—адъюнктъ харьковскаго университета по кафедрѣ судебной медицины *Альбертъ Питра*. Г. Бергомъ представлены были слѣдующія сочиненія: 1—Объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ, диссертация на степень доктора медицины. 2—Объ употребленіи хлороформа при акушерствѣ. 3—Нѣсколько случаевъ изъ акушерской практики. 4—О цесарскомъ сѣченіи въ судебно-медицинскомъ отношеніи. 5—Объ открытіи металлическихъ ядовъ въ органическихъ тканяхъ. 6—Критическій обзоръ законныхъ постановленийъ относительно торговли ядовитыми и сильно дѣйствующими веществами, введенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, представленный г. директору медицинскаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Г. Питра представилъ: 1—диссертацию на степень доктора медицины „Specimen topographiae medicae Charkoviensis“ и 2—рукописное сочиненіе „О распознаваніи на трупѣ прижизненныхъ поврежденій“. Тотъ и другой кандидатъ представили кромѣ того программы преподаванія судебной медицины и медицинской полиціи, а г. Питра еще и программу врачебнаго законовѣдѣнія и эпизоонологіи. Сочиненія эти были рассмотрѣны, по порученію факультета, слѣдующими лицами: четыре первыя сочиненія Берга—Э. О. проф. Лазаревичемъ, два остальные—преподавателемъ фармаціи и фармакогнозіи Ганнотомъ, программа же лекцій по судебной медицинѣ и медицинской полиціи—адъюнктомъ Питрою. Сочиненія Питры переданы были на рассмотрѣніе проф. Лямблю. Письменные отзывы рецензентовъ о сочиненіяхъ Берга не были въ пользу послѣдняго; Лямбль же представилъ похвальные отзывы о работахъ Питры. По рассмотрѣнію сочиненій кандидатовъ и письменныхъ о нихъ отзывовъ факультетъ положилъ представить въ совѣтъ университета, что онъ не можетъ признать г. Берга достойнымъ получить искомое имъ мѣсто; что же касается до адъюнкта Питры, то мнѣніе о немъ факультета выражено уже въ представленіи его совѣту университета какъ кандидата для занятія вакантной кафедры судебной медицины и медицинской полиціи отъ 25 ноября 1862 года. Такъ какъ съ тѣхъ поръ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя-бы могли измѣнить мнѣніе факультета, то поэтому послѣдній и положилъ просить совѣтъ университета допустить г. Питру къ баллотировкѣ на означенную кафедру. Въ совѣтѣ Питра выбранъ былъ большинствомъ голосовъ и въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года утвержденъ экстра-ординарнымъ профессоромъ.

Въ 1863 году въ февралѣ мѣсяцѣ Ал. Сам. Питра былъ въ числѣ рецензентовъ сочиненій И. Н. Станкевича, конкурировавшаго на кафедру фармакологіи. Въ томъ-же году, сентября 4-го, выступалъ въ качествѣ официального оппонента при публичной защитѣ Ал. Як. Дани-

левскимъ докторской диссертациі, подъ названіемъ „О специфически дѣйствующихъ тѣлахъ натурального и искусственнаго соковъ поджелудочной железы“. Въ томъ-же году, 2-го сентября представилъ въ медицинскій факультетъ программу конкурса на мѣсто доцента при кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи. Въ томъ-же году, 30-го сентября ¹⁾ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника, по ходатайству губернскаго попечительства о дѣтскихъ пріютахъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года г. Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа препроводилъ въ медицинскій факультетъ на разсмотрѣніе „проектъ устава о постоянныхъ военныхъ госпиталяхъ“. При обсужденіи этого проекта въ засѣданіи факультета 18-го сентября члены факультета нашли, что предложенныя въ проектѣ измѣненія нынѣ дѣйствующаго Устава могутъ послужить къ отстраненію многихъ существующихъ безпорядковъ и злоупотребленій по части госпитальнаго управленія и открываютъ возможность старшимъ ординаторамъ госпиталей дѣйствовать болѣе самостоятельно, что можетъ быть полезнымъ для лечимыхъ ими больныхъ и можетъ принести пользу наукѣ. По поводу того же „проекта“ проф. Ал. Сам. Питрой представлено нижеслѣдующее отдѣльное мнѣніе: „Присланный мнѣ для прочтенія проектъ устава о постоянныхъ военныхъ госпиталяхъ, я, препровождая обратно въ факультетъ, честь имѣю замѣтить въ немъ обстоятельство невольно бросающееся въ глаза, а именно: въ другихъ городахъ, гдѣ находятся университеты, какъ напр. въ Кіевѣ и въ Казани, полагаются этимъ проектомъ постоянные военные госпитали: въ первомъ на 800 штатныхъ и 300 запасныхъ, а во второмъ на 300 штатныхъ и 100 запасныхъ мѣсть, между тѣмъ какъ Харьковъ обойденъ, а въ 36 верстахъ отъ него въ маленькомъ городѣ Чугуевѣ все же находятъ необходимымъ устроить госпиталь въ 150 штатныхъ и 50 запасныхъ мѣсть. При всемъ желаніи понять такое невыгодное исключеніе г. Харькова изъ числа мѣстностей наиболѣе полезныхъ для устройства подобныхъ госпиталей, я ненахожу никакихъ побудительныхъ основаній, имѣя въ виду слѣдующее: 1-е Врачи военнаго госпиталя, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ профессорами здѣшняго университета, усовершенствовали и обновляли-бы свои познанія при непрерывно новыхъ открытіяхъ по всѣмъ отраслямъ медицины и въ особенности знакомились бы съ новыми способами производства операцій. Такимъ образомъ многіе молодые врачи были-бы вполне приготовлены, въ случаѣ войны, къ наилучшей подачи медицинской помощи защитникамъ отечества и такимъ образомъ не повторилась бы

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Дѣло Совѣта 1863 г. № 196.

тогда та необходимость, которая оказалась въ Крымской компаніи, гдѣ знаменитый хирургъ нашъ Пироговъ вынужденъ былъ на полѣ сраженія учить производству новыхъ способовъ операций менѣе мучительныхъ и болѣе выгодныхъ для раненыхъ. 2-е. Студенты, готовящіеся быть врачами, могли бы, посѣщая военный госпиталь, не только приобрѣсть много познаній, дѣлая наблюденія на большомъ числѣ больныхъ и видя производство представляющихся случаевъ операций, но вмѣстѣ съ тѣмъ они бы приучились къ военно-госпитальной службѣ и выходили бы изъ университета вполне подготовленными быть хорошими военными врачами. 3-е. Новымъ Университетскимъ Уставомъ опредѣлены профессора по госпитальнымъ клиникамъ съ жалованьемъ этимъ профессорамъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Эти ученые были бы консультантами въ Харьковскомъ военномъ госпиталѣ и на содержаніе ихъ не требовалось бы отъ военного министерства никакого расхода. 4-е Въ Харьковѣ, подобно тому какъ и въ другихъ городахъ, гдѣ находятся университеты, скорѣе, чѣмъ въ Чугуевѣ, сдѣланы будутъ должныя наблюденія о результатѣ благихъ преобразованій, выраженныхъ въ „проектѣ“ этого Устава. 5-е. Наконецъ, по проведеніи желѣзной дороги чрезъ гор. Харьковъ, находящійся на срединѣ пути между Севастополемъ и Москвою, онъ представилъ бы весьма выгодную мѣстность для постоянного военного госпиталя; поэтому устройвъ его нынѣ, вмѣсто Чугуева, въ Харьковѣ, не представится министерству надобность двойныхъ расходовъ на закрытіе прежнихъ и на устройство новыхъ госпиталей, какъ это оказалось необходимымъ съ открытіемъ Варшавской желѣзной дороги“.

Въ засѣданіи совѣта университета 18-го февраля 1864 года ¹⁾, по случаю освободившейся, за смертью проф. Зернина, ординатуры, подвергнуть былъ баллотировкѣ экстраорд. проф. Альбертъ Питра въ званіе ординарнаго профессора, при чемъ избирательныхъ оказалось 15 и неизбирательныхъ 8 шаровъ. Согласно съ выборомъ, Питра былъ назначенъ въ томъ же году ординарнымъ профессоромъ. 20-го ноября того-же года награжденъ орденомъ Св. Станислава 2 ст.

Въ 1865 году въ мартѣ мѣсяцѣ въ Харьковскій медицинскій факультетъ были присланы изъ Петербурга отъ комитета о раненыхъ „Правила“ для руководства врачамъ при освидѣтельствованіи лицъ, ищущихъ покровительства этого комитета, съ просьбою высказать свои соображенія. По поводу этихъ „Правилъ“ проф. Альб. Сам. Питра внесъ свои основательныя замѣчанія и поправки, съ которыми вполне были

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Дѣло совѣта 1864 г. № 7.

согласны всѣ члены факультета; рапортъ Питра былъ препровожденъ въ совѣтъ университета для отосланія его въ комитетъ раненыхъ.

Съ осени 1865 года преподаваніе гігіены и медицинской полиціи медицинскимъ факультетомъ выдѣлено было изъ предметовъ каѳедры судебной медицины и поручено было отдѣльному лицу, а именно доценту Н. А. Хржонщевскому, а потому проф. Питра обязанъ былъ преподавать только судебную медицину и эпизоонологію.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1866 г. проф. И. К. Зарубинъ вошелъ съ просьбою въ медицинскій факультетъ, чтобы послѣдній ходатайствовалъ чрезъ совѣтъ университета объ устройствѣ при Харьковской губернской земской больницѣ клиническихъ отдѣленій по глазнымъ и мочеполовымъ болѣзнямъ. Къ такому заявленію проф. Зарубина присоединился проф. Д. Ф. Лямбль о производствѣ въ той же больницѣ патологическихъ вскрытій и проф. Ал. Питра объ устройствѣ практическихъ занятій со студентами на живыхъ съ судебно-медицинскими цѣлями, такъ какъ такового матеріала университетъ не имѣетъ, не смотря на то, что онъ представляетъ громадную практическую важность для каждаго изъ оканчивающихъ курсъ медицинскихъ наукъ въ университетѣ. Составленный поэтому по поводу „проектъ“ былъ представленъ въ совѣтъ университета. Совѣтъ съ своей стороны ходатайствовалъ въ установленномъ порядкѣ и Харьковская губернская земская управа сочувственно отнеслась къ предложенію университета и въ видѣ опыта открыты были всѣ требуемыя отдѣленія на два года; хотя такое положеніе вошло въ силу съ апрѣля 1867 года ¹⁾, но приступить къ занятіямъ со студентами въ больницѣ гг. профессора Зарубинъ Лямбль и Питра могли только съ февраля 1868 года ²⁾.

Весною 1866 года Питрѣ поручено было факультетомъ представить рецензію на сочиненіе лѣкаря Ѳ. Гана „О судебно-медицинскомъ изслѣдованіи кровяныхъ слѣдовъ“, написанное съ цѣлью получить степень доктора медицины. Въ представленной рецензіи Питра одобрилъ работу Гана ³⁾ и она допущена была къ защитѣ, при чемъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ состоялъ и проф. Ал. С. Питра.

Въ 1866 году впервые учреждена была отдѣльная должность помощника прозектора при каѳедрѣ судебной медицины, на каковую должность проф. Питрою былъ рекомендованъ Дм. Ал. Котелевскій, кото-

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Журн. зас. мед. фак. 1867 г. 3 марта.

²⁾ Арх. Харьк. Унив. Журн. зас. мед. фак. 1868 г. 3 января.

³⁾ Рецензія in extenso напечатана въ статьѣ проф. М. А. Попова „Прозекторъ Ф. В. Ганъ“. Записки Имп. Харьк. Унив. 1896 г. Вып. IV. Лѣтопись.

рый въ послѣдствіи перешелъ въ Варшаву профессоромъ на кафедрѣ судебной медицины.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 18 января 1868 года заслушаны были два рапорта: 1-й проф. Хржонщевскаго, въ которомъ онъ, указывая на обширность предметовъ, входящихъ въ составъ кафедры судебной медицины, рекомендуетъ д-ра мед. Н. Л. Залѣскаго, котораго онъ считаетъ достойнымъ для занятія штатной доцентуры по гигиенѣ, медицинской полиціи и токсикологіи. 2-й—проф. Питра, въ которомъ, упоминая о единогласномъ рѣшеніи медицинскаго и другихъ факультетовъ, чтобы въ преподаватели даже побочныхъ предметовъ извѣстной кафедры были бы избираемы лица, представившія доказательства познаній по главному предмету, а не по второстепенному, или даже вовсе отдѣленному предмету этой кафедры, онъ проситъ, въ случаѣ избранія г. Залѣскаго, занимавшагося специально одной химіею, о сохраненіи при кафедрѣ судебной медицины особой доцентуры для такого лица, которое бы имѣло ближайшее знакомство съ главнымъ предметомъ этой кафедры, независимо отъ должныхъ познаній по второстепеннымъ предметамъ. Выслушавъ оба рапорта, факультетъ назначилъ Н. Л. Залѣскаго прочесть двѣ пробныя лекціи, на 22 и 24 января, по предметамъ гигиены и медицинской полиціи.

Въ засѣданіи 25 января того же года ¹⁾ факультетъ имѣлъ сужденіе о пробныхъ лекціяхъ Залѣскаго. При этомъ заслушано письменное мнѣніе Ал. Сам. Питры слѣдующаго содержанія: „Неоднократно я входилъ письменно и заявлялъ словесно факультету о важности раздѣленія труда по предмету кафедры судебной медицины и въ томъ числѣ о приобрѣтеніи отдѣльнаго преподавателя по медицинской полиціи съ гигиеною, какъ это уже существуетъ десятки лѣтъ въ заграничныхъ университетахъ и было проектировано въ нѣкоторыхъ русскихъ. Въ послѣднее время предложенный проф. Хржонщевскимъ для преподаванія этихъ наукъ г. Залѣскій прочелъ двѣ пробныя лекціи о мясѣ и о грибахъ, изъ которыхъ лекцій усматривается слѣдующее: говоря о мясной пищѣ, онъ исключительно обратилъ вниманіе на химическій составъ мяса, употребивъ на это около получаса времени, потомъ говорилъ о приготовленіи бульона крѣпкаго и слабаго, о вываркѣ мяса, мимоходомъ только упомянулъ о жареніи мяса, сказавши, что оно отличается отъ варенія только тѣмъ, что вмѣсто воды берется масло (?); за этимъ перешелъ къ соленію мяса, сушенію его и приготовленію Либиховскаго экстракта. О физиологическомъ дѣйствіи мясной пищи онъ ничего не говорилъ, объ удобоваримости бульона, а также и о томъ, при какихъ

¹⁾ Арх. Харьк. Унив. Журн. зас. мед. фак. 25 января 1868 года ст. 19.

условіяхъ онъ трудно переносится желудкомъ, ничего не было сказано; тоже не упомянуто объ удобоваримости варенаго мяса. О различныхъ способахъ жаренія мяса и зависящихъ отъ того особенныхъ измѣненіяхъ его, обусловливающихъ не только различныя степени питательности и удобоваримости, но и приобрѣтенія имъ отъ этаго новыхъ свойствъ. Все это пройдено молчаніемъ. О различныхъ способахъ сохраненія и подготовки сыраго мяса къ употребленію и зависящихъ отъ того извѣстныхъ достоинствахъ его, во все ни слова. Не сдѣлавши должнаго различія между приготовленіемъ свѣжаго мяса и заготовленіемъ его впрокъ, онъ распространился о соленіи мяса, не сказавши впрочемъ о причинахъ его неудобоваримости. Всѣмъ извѣстное заготовленіе мяса впрокъ помощью копченія, а также и маринованія оставлено безъ вниманія. Говоря о сушеномъ мясѣ, онъ указалъ одинъ только способъ приготовленія его и при томъ какой—высушиваніе его на солнцѣ. Говоря о Либиховскомъ экстрактѣ, почему-бы ему не упомянуть по крайней мѣрѣ о сохраненіи мясной пищи посредствомъ герметическаго закупориванія. Если эта лекція съ гигиенической точки зрѣнія представляетъ много пробѣловъ, то въ медикополицейскомъ отношеніи о мясѣ въ ней не было сказано ни слова, хотя по началу ея можно было ожидать, что избранная г. Залѣскимъ лекція будетъ имъ изложена надлежащимъ образомъ.

Во второй лекціи г. Залѣскаго на данную имъ факультетомъ тему о грибахъ въ медикополицейскомъ отношеніи не было замѣтно односторонняго увлеченія химією, но онъ не вполне понялъ предложенную ему тему и поэтому переходилъ изъ предѣловъ медицинской полиціи въ область судебной медицины и гигиены; такъ было говорено имъ о грибахъ ядовитыхъ, о трудноваримости грибовъ, объ отравленіи ими, о не имѣніи общаго признака для отличія ядовитыхъ отъ съѣдомыхъ, о припадкахъ отравленія и патологическихъ явленіяхъ, усматриваемыхъ въ трупѣ, потомъ опять о пособіи, которое слѣдуетъ подавать отравленнымъ грибами и наконецъ о нѣкоторыхъ медико-полицейскихъ мѣрахъ; но въ этой лекціи остался безъ разрѣшенія самый существенный вопросъ объ отличіи съѣдомыхъ грибовъ отъ несъѣдомыхъ и ядовитыхъ. Это произошло отъ того, что авторъ держался совершенно противоположно общепринятому пути. Онъ, сказавши, что ботаника не дала достаточныхъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса, все трактовалъ объ ядовитыхъ грибахъ и старался обозначить ихъ характерныя особенности для того, чтобы исключить изъ этой группы всѣ съѣдомые грибы. Въ этихъ видахъ онъ выразилъ надежду, что химія когда нибудь дастъ возможность различить грибы ядовитые отъ неядовитыхъ и по его словамъ ботаника

въ настоящее время такихъ признаковъ дать тоже не можетъ, между тѣмъ какъ она, указывая на отличительныя признаки въ пищу употребляемыхъ грибовъ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность отличать ихъ отъ тѣхъ, которые не употребляются въ пищу, но имѣютъ по виду нѣкоторое сходство съ ними и тѣмъ самымъ служить руководствомъ для врача при медико-полицейскомъ освидѣтельствovanіи грибовъ. Полагаю, что г. Залѣскому слѣдовало бы сначала перечислить продаваемые на рынкахъ съѣдомые грибы и при этомъ должны были быть приводимы не одни латинскія названія, но вмѣстѣ и мѣстныя народныя, потомъ указать отличительныя свойства каждаго изъ нихъ, далѣе упомянуть о главнѣйшихъ ядовитыхъ грибахъ, затѣмъ обратить вниманіе слушателей на тѣ изъ ядовитыхъ грибовъ, которые по своимъ свойствамъ отчасти похожи на описанные съѣдомые грибы, чтобы предостереженіемъ этимъ предостеречь могущія случиться ошибки въ распознаваніи. Послѣ этого нужно было познакомить съ тѣми доказанными уже обстоятельствами, при которыхъ ядовитые грибы могутъ быть употреблены въ пищу безъ всякаго вреда для здоровья и съѣдомые могутъ дѣлаться вредными.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что обѣ лекціи были изложены хорошимъ русскимъ языкомъ, внятно и отчетливо; какъ та, такъ и другая лекція показали, что онъ имѣетъ солидныя познанія въ химіи и вмѣстѣ съ тѣмъ по токсикологіи, но не дали доказательствъ такого же знакомства его съ медицинской полиціею и гигиеной. Извѣстно, что въ медицинскомъ факультетѣ есть основныя и прикладныя предметы; если бы химикъ безъ спеціальнаго знакомства съ прикладными предметами, какъ напримѣръ судебная медицина, медицинская полиція съ гигиеной, имѣлъ бы рациональное основаніе взяться за преподаваніе этихъ предметовъ, то слѣдуетъ допустить, что съ такимъ же точно основаніемъ анатому, гистологу, физиологу или фармакологу можно было бы передать хирургическую, акушерскую или терапевтическую клиники. Такъ какъ г. Залѣскій и сочиненіями своими и лекціями заявляетъ о своемъ спеціальному знакомствѣ съ химіею и токсикологіею, то я полагаю, что медицинскій факультетъ, быть можетъ, могъ бы пріобрѣсть въ немъ полезнаго преподавателя химіи и токсикологіи; порученіе же ему медицинской полиціи съ гигиеной, какъ предлагаетъ проф. Хржонщевскій, по моему мнѣнію, бесполезно осложнило бы его занятія и притомъ въ ущербъ его спеціальнымъ работамъ по химіи и токсикологіи, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ видно изъ сочиненій его, такъ и изъ прочитанныхъ имъ лекцій, не посвящалъ себя особенному изученію медицинской полиціи и гигиены. Это послѣднее мнѣніе подтверждается и тѣмъ, что г. Залѣскій, изъявивши желаніе быть приватъ-доцентомъ по медицин-

ской полиціи съ гигиеной и токсикологіей, въ послѣдствіи времени, когда факультетъ потребовалъ отъ него программы, самъ отказался отъ медицинской полиціи и гигиены, а представилъ только программу по токсикологіи“.

При обсужденіи рапорта проф. Питры, проф. И. П. Щелковъ заявилъ, что онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Питры. Онъ находитъ первую лекцію г. Залѣскаго вполне удовлетворительною, какъ относительно содержанія, такъ и формы; дѣлать ей упреки въ томъ, что въ ней опущено то, или другое проф. Щелковъ не видитъ основанія по двумъ причинамъ: въ 1-хъ, никто ни можетъ требовать, чтобы въ лекціи, продолжающейся $\frac{3}{4}$ часа было высказано все, что можетъ быть сказано относительно такого обширнаго предмета, какъ гигиена мясной пищи и во 2-хъ, при сужденіи о пробной лекціи слѣдуетъ имѣть въ виду не то, чего небыло въ лекціи, а то, какъ было изложено то, что въ ней заключалось. Въ этомъ отношеніи лекція г. Залѣскаго можетъ быть названа вполне удовлетворительною. Тоже самое полагаетъ проф. Щелковъ и о второй лекціи, которую, имѣя въ виду, что она была составлена на тему, заданную г. Залѣсскому за 24 часа до лекціи, онъ считаетъ ее даже болѣе удовлетворительною, чѣмъ первую. Наконецъ проф. Щелковъ несогласенъ также съ заявленіемъ проф. Питры о томъ, что г. Залѣскій не можетъ быть полезнымъ преподавателемъ гигиены и медицинской полиціи. Онъ полагаетъ, что лицо, имѣющее такія основательныя и несомнѣнныя познанія въ физиологіи и химіи, предметахъ, которые, по мнѣнію Щелкова, составляютъ главныя основы гигиены, можетъ быть вполне дѣльнымъ и толковымъ преподавателемъ этой науки. Къ мнѣнію проф. Щелкова вполне присоединились проф. Хржонцевскій, Лазаревичъ, Маровскій и Станкевичъ. Въ этомъ же засѣданіи факультета произведена баллотировка г. Залѣскаго въ приват-доценты для преподаванія гигиены и медицинской полиціи, причемъ избирательныхъ оказалось 5 и неизбирательныхъ также 5 балловъ.

Въ засѣданіи медицинского факультета 22 февраля того-же года проф. Питра вошелъ съ слѣдующимъ рапортомъ: „Факультетомъ вполне признано, что къ кафедрѣ судебной медицины относятся весьма разнообразныя предметы и многочисленныя практическія занятія, для которыхъ требуются новые специалисты, чтобы вполне достигнуть высшей научной пользы. Въ настоящее время представляется случай воспользоваться бывшимъ воспитанникомъ нашего университета докторомъ Залѣскимъ, коего спеціальныя занятія и сочиненія вполне извѣстны факультету и, какъ мною было уже заявлено, представляютъ извѣстныя данныя, судя по которымъ можно ожидать, что факультетъ найдетъ

въ немъ весьма полезнаго преподавателя по токсикологіи. По этому имѣю честь просить факультетъ, если г. Залѣсскій изъявитъ желаніе на таковое преподаваніе, ходатайствовать объ учрежденіи при кафедрѣ судебной медицины особой доцентуры для теоретическаго и практическаго преподаванія токсикологіи и сдѣлать зависящее распоряженіе по моему представленію относительно замѣщенія этой должности г. Залѣсскимъ". Согласно предложенію проф. Питры въ слѣдующемъ засѣданіи факультета, 29-го февраля, произведена баллотировка г. Залѣскаго въ доценты по токсикологіи и онъ былъ избранъ единогласно.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 30-го апрѣля того-же 1868 года былъ заслушанъ слѣдующій рапортъ проф. Питры: „Съ уничиженіемъ кафедры ветеринарныхъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ эпизоотологія и ветеринарная полиція хотя и отнесены къ кафедрѣ судебной медицины, но въ видѣ особой доцентуры назначался для чтенія этихъ предметовъ отдѣльный преподаватель даже въ то время, когда было весьма ограниченное число преподавателей по университету. Послѣ того, какъ это мѣсто сдѣлалось вакантнымъ, нашъ факультетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно принималъ мѣры къ пріисканію надлежащимъ образомъ подготовленнаго лица для чтенія этихъ предметовъ. Въ настоящее время совершенно неожиданно является извѣстный ученый по ветеринарнымъ наукамъ Іосифъ Ипполитовичъ Равичъ, экстра-ординарный профессоръ медико-хирургической академіи, магистръ ветеринарныхъ наукъ, который, какъ мнѣ извѣстно, согласенъ читать у насъ предметы по этой доцентурѣ. Я смѣло могу сказать, что, пріобрѣтши этого специалиста, Харьковскій университетъ сдѣлаетъ интересное пріобрѣтеніе новаго дѣятеля на поприщѣ науки. По этому, предлагая его на упомянутую доцентуру, я имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ сдѣлать по этому законное распоряженіе“. Такъ какъ проф. Равичъ своими учеными трудами и дѣятельностью хорошо былъ извѣстенъ г.г. членамъ факультета, то въ засѣданіи 18-го мая того-же года, послѣ краткаго обсужденія рапорта проф. Питры и выслушанія мнѣній проф. Вагнера и Щелкова, онъ былъ подвергнутъ баллотировкѣ и избранъ единогласно. Хотя Равичъ и былъ избранъ университетомъ, но онъ, по разнымъ обстоятельствамъ, самъ отказался отъ перевода его въ Харьковскій университетъ.

Въ томъ-же 1868 году проф. Питръ передана была на рецензію докторская диссертация Дм. Ал. Котелевскаго, подъ названіемъ „Къ ученію о судебно-медицинскомъ вопросѣ родился-ли младенецъ живымъ или мертвымъ“. Диссертация эта была одобрена Питрою и съ его мнѣніемъ согласилось большинство членовъ факультета. 24-го мая того-же

года Питра выступалъ въ качествѣ официальнаго оппонента при защитѣ диссертациі лѣкаремъ Котелевскимъ.

Въ томъ-же году 2-го октября Питра еще разъ былъ официальнымъ оппонентомъ при публичной защитѣ лѣкаремъ Манцевичемъ докторской диссертациі подѣ заглавіемъ „О предлежаніи плаценты“. 20-го ноября 1868 г. Питра Всемиловѣйше награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Въ 1869 году, октября 25-го, Питра былъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ при публичной защитѣ лѣкаремъ Порай-Кошицемъ докторской диссертациі, подѣ названіемъ: „Матеріалы для патологіи венерическихъ болѣзней“.

Въ засѣданіи Харьковскаго медицинскаго общества 29-го марта 1869 года А. С. Питра сдѣлалъ краткое сообщеніе „Смерть чрезъ повѣшеніе за ногу“. Въ Харьковѣ, въ университетскомъ саду, въ довольно глухомъ мѣстѣ, влѣво и сзади отъ бесѣдки, зимой, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года найденъ былъ трупъ дѣвушки, какъ оказалось по дознаніи, Волошиной, который висѣлъ на деревѣ. Трупъ одѣтъ былъ въ носильное рабочей дѣвушки платье и висѣлъ такимъ образомъ: лѣвая нога, тотчасъ подѣ колѣномъ ущемлена была между расходящимися двумя вѣтвями дерева, туловище съ головою висѣли книзу, при чемъ руки спускались еще ниже, а правая нижняя конечность откинута была въ сторону и слегка согнутая висѣла свободно. При вскрытіи знаковъ насилія не найдено. Смерть, какъ сказано въ протоколѣ, послѣдовала отъ прилива крови къ мозгу и легкимъ; найдены ясныя признаки злоупотребленія спиртныхъ напитковъ. Какъ случилось такое странное повѣшеніе, было-ли оно случайное или умышенное и наконецъ было-ли тутъ убійство или самоубійство? Всѣ эти вопросы не разрѣшены судебно-медицинскимъ вскрытіемъ. Напечатанное въ протоколахъ медицинскаго общества сообщеніе Питры иллюстрировано прекраснымъ рисункомъ, сдѣланнымъ проф. Д. Ф. Лямблемъ.

Въ 1869 году 23-го октября проф. Питра, по случаю перехода помощника прозектора Дм. Ал. Котелевскаго въ Варшавскій университетъ прозекторомъ судебной медицины, представилъ на мѣсто помощника прозектора при кафедрѣ судебной медицины д-ра Радциха, который въ засѣданіи медицинскаго факультета 4 ноября и былъ избранъ единогласно. Радцихъ оставался на этомъ мѣстѣ очень короткое время и въ генварѣ 1870 года онъ уволился. На освободившееся мѣсто помощника прозектора проф. Питра представилъ 5 февраля 1870 года лѣкаря Алексѣя Алексѣевича Попова, который и выбранъ былъ факультетомъ единогласно, но и этотъ прослужилъ очень мало, такъ какъ умеръ въ сентябрѣ того-же года отъ чахотки. 8-го октября того-же

года Питра представилъ на ту же должность лѣкаря Леонида Геронимовича Берга, который былъ избранъ факультетомъ и утвержденъ попечителемъ. 16-го ноября 1870 г. проф. Ал. Сам. Питра былъ утвержденъ въ чинѣ статскаго совѣтника, а 21-го августа 1871 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. 20 сентября 1871 г. проф. Питра вошелъ въ медицинскій факультетъ съ рапортомъ, въ которомъ онъ рекомендовалъ факультету для замѣщенія каѳедры гігіены и медицинской полиціи достойнаго кандидата въ лицѣ Тимофея Ивановича Богомолова, окончившаго курсъ естественныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ и потомъ окончившаго курсъ медицинскихъ наукъ въ медико-хирургической академіи съ званіемъ лѣкаря съ отличіемъ и съ правомъ получить степень доктора медицины по представленіи и защищеніи диссертациі на эту степень. По окончаніи курса онъ оставленъ былъ академіею, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, вслѣдствіе чего онъ до сихъ поръ состоитъ ординаторомъ при клиникѣ проф. Боткина. Состоя при этой клиникѣ, онъ въ то же время преподавалъ гігіену и физику въ фельдшерской школѣ, находящейся при медико-хирургической академіи и произвелъ нѣсколько немаловажныхъ работъ по фізіологической и патологической химіи, за одну изъ которыхъ онъ удостоенъ этою академіею степени доктора медицины. Не довольствуясь этими занятіями, онъ отправился за границу для усовершенствованія себя въ познаніи по гігіенѣ и особенно для самостоятельныхъ химическихъ изслѣдованій по нѣкоторымъ важнымъ гігіеническимъ вопросамъ подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Гоппезейлера, при чемъ успѣлъ показать и полезныя для науки результаты своихъ изслѣдованій въ новомъ своемъ сочиненіи. Представляя при этомъ сочиненіи г. Богомолова, проф. Питра просилъ факультетъ, по нахожденію, случайно, въ настоящее время г. Богомолова въ г. Харьковѣ, назначить ему пробныя лекціи, въ видахъ ознакомленія членовъ факультета и совѣта съ преподавательскими способностями г. Богомолова и если факультетъ раздѣлитъ его мнѣніе относительно достоинствъ этого кандидата, то проситъ ходатайствовать о предоставленіи г. Богомолову должности экстра-ординарнаго профессора гігіены и медицинской полиціи въ Харьковскомъ университетѣ. Выслушавши представленіе проф. Питры, медицинскій факультетъ положилъ: поручить проф. Тихоновичу и Пятрѣ представить письменныя мнѣнія о сочиненіяхъ г. Богомолова, затѣмъ препроводить эти сочиненія остальнымъ профессорамъ медицинскаго факультета для разсмотрѣнія. Такъ какъ преподавательскія способности Богомолова факультету не извѣстны, то, согласно § 69 университетскаго устава, дозволить ему прочесть двѣ проб-

ныя лекціи 5-го октября отъ 12 до 1 часу и 6-го октября отъ 1 часу до 2-хъ пополудни. Въ засѣданіи медицинскаго факультета 22 ноября того-же года доложено было, что сочиненія г. Богомолова разсмотрѣны всѣми членами факультета, и потому факультетъ можетъ приступить къ обсужденію достоинствъ его, какъ кандидата на должность преподавателя гигиены. При этомъ прочитаны были мнѣнія проф. Питры и Тихоновича объ ученыхъ трудахъ д-ра Богомолова.

По выслушаніи и обсужденіи этихъ мнѣній, подвергнуты были оцѣнкѣ двѣ пробныя лекціи, прочитанныя д-ромъ Богомоловымъ, первая, по собственному выбору „о молокоѣ“ и вторая на предложенную факультетомъ тему „о вентиляціи“. По окончаніи преній, возникшихъ по этому поводу шесть членовъ факультета признали лекціи Богомолова удовлетворительными, а пять членовъ, въ числѣ которыхъ былъ деканъ, неудовлетворительными. Затѣмъ члены факультета, въ виду того, что мнѣнія о пробныхъ лекціяхъ Богомолова раздѣлились единогласно положили баллотировать Богомолова въ доценты по кафедрѣ гигиены. Въ результатѣ баллотировки оказалось семь избирательныхъ и пять неизбирательныхъ шаровъ, дѣло о Богомоловѣ передано было въ совѣтъ, который, впрочемъ, не баллотировалъ его, такъ какъ Богомоловъ самъ отказался отъ желанія занять мѣсто доцента по кафедрѣ гигиены.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 24-го января 1872 года проф. Питра вошелъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „Профессоръ гигиены въ Казанскомъ Университетѣ А. И. Якобій въ настоящее время оставилъ службу въ этомъ университетѣ. На это обстоятельство я желалъ бы обратить теперь вниманіе факультета въ тѣхъ видахъ, что онъ доставляетъ намъ возможность замѣстить кафедру гигиены въ нашемъ университетѣ. Пригласивъ г. Якобія занять эту кафедру, мы замѣстимъ ее лицомъ несомнѣнно вполне удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ, какія могутъ и должны быть предъявляемы въ подобныхъ случаяхъ. А. И. Якобій нѣсколько лѣтъ уже занимаетъ кафедру гигиены въ одномъ изъ нашихъ университетовъ и считается въ числѣ лучшихъ его научныхъ силъ; онъ извѣстенъ своими научными трудами, изъ которыхъ одни относятся къ отдѣламъ экспериментальной физиологіи, имѣющимъ полную связь съ гигиеной, другіе-же относящіеся прямо къ этой послѣдней. Воспользовавшись представляющимся случаемъ пригласить проф. Якобія, факультетъ найдетъ въ немъ вполне готоваго преподавателя по одной изъ важнѣйшихъ кафедръ, замѣщеніе которой у насъ представляется вообще дѣломъ труднымъ по малому числу лицъ изучившихъ спеціально гигиену“. Факультетъ положилъ препроводить сочиненія проф. Якобія гг. членамъ факультета для разсмотрѣнія, а во-

прось о приглашеніи Якобіа на кафедру гігієны рѣшить баллотировкой въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. 15-го февраля проф. Якобій былъ выбранъ въ факультетѣ единогласно ординарнымъ профессоромъ. Проф. Якобій въ скоромъ времени былъ утвержденъ г. министромъ (въ сентябрѣ мѣсяцѣ).

Въ 1872 году, апрѣля 24-го Питра былъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ при публичной защитѣ лѣкаремъ Каличицкимъ докторской диссертациіи подъ заглавіемъ: „Къ патологической анатоміи головного мозга при фосфорномъ отравленіи“.

Медицинскій факультетъ въ засѣданіи своемъ 27-го апрѣля 1873 года, принимая во вниманіе то обстоятельство, что по порученію факультета, профессоръ Питра, помимо своихъ предметовъ, въ теченіе 10-ти лѣтъ преподавалъ эпизоонологію и ветеринарную полицію безъ всякаго вознагражденія положилъ представить въ совѣтъ объ исхода-тайствованіи ему за это почетной награды.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 14-го мая 1873 года заслушанъ былъ рапортъ проф. Питры слѣдующаго содержанія: „По уставу университетовъ 1863 года при кафедрѣ судебной медицины опредѣлена особая доцентура для преподаванія эпизоонологіи студентамъ медицинскаго факультета. Важность изученія этого предмета признана была и прежнимъ уставомъ (1835 г.), по которому положено было для преподаванія ея имѣть отдѣльнаго преподавателя въ качествѣ адъюнкта профессора. Съ тѣхъ поръ какъ я занимаю мѣсто профессора судебной медицины медицинскій факультетъ до настоящаго времени не могъ пріобрѣсти отдѣльнаго преподавателя по этому предмету, потому что молодые люди, готовящіе себя къ ученой дѣятельности по медицинскимъ наукамъ, обыкновенно не предаются спеціальнымъ занятіямъ по эпизоонологіи. Вслѣдствіи этого весьма трудно найти такого ученаго, который бы былъ вполне подготовленъ для преподаванія этой отрасли ветеринарныхъ наукъ. Преподаваніе же этого предмета ветеринаромъ, по моему мнѣнію, далеко не удовлетворитъ цѣли изложенія его слушателямъ медицины, потому что при этомъ чрезвычайно важно указать на аналогію патологическихъ измѣненій органовъ въ сходныхъ болѣзняхъ у человека и у животныхъ, вліяніе разныхъ средствъ на эти патологическіе процессы, также изучить свойства заразы и условія перехода ея на человека, наконецъ прослѣдить вліяніе извѣстныхъ эпизоотій какъ на отдѣльныя лица такъ и на цѣлыя населенія. Для всего этого требуются основательныя знанія по медицинскимъ наукамъ. Въ настоящее время мы имѣемъ стипендіата доктора медицины Ивана Башинскаго, который командированъ въ медико-хирургическую академію и который

занимается патологическою анатомією у проф. Руднева и эпизоонологією у проф. Равича, при чемъ на столько обладаетъ научными свѣдѣніями по этимъ предметамъ какъ теоретическими, такъ и практическими, что я вполне могу рекомендовать его факультету для занятія доцентуры эпизоонологіи въ нашемъ университетѣ“. Послѣ прочтенія рапорта проф. Питра прочиталъ списокъ сочиненій г. Башинскаго и въ заключеніе Питра просилъ факультетъ допустить г. Башинскаго къ чтенію пробныхъ лекцій. По выслушаніи всего факультетъ положилъ: сужденіе о Башинскомъ отложить на послѣ каникулярное время. Изъ архивныхъ дѣлъ медицинскаго факультета не видно, впрочемъ, чтобы дѣло о возведеніи въ доценты Башинскаго снова было когда нибудь поднято въ медицинскомъ факультетѣ.

Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 28 декабря 1873 года, за № 15, проф. Ал. Сам. Питра произведенъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Указомъ Правительствующаго Сената по Департаменту Герольдіи отъ 25 сентября 1872 гова, за № 6768, Питра утвержденъ въ дворянскомъ достоинствѣ и внесенъ въ дворянскую родословную книгу по Харьковской и Курской губерніи.

Передъ выходомъ своимъ въ отставку проф. Ал. Сам. Питра вошелъ 25 мая 1875 года въ медицинскій факультетъ съ рапортомъ, въ которомъ онъ рекомендовалъ на имѣющую въ скоромъ времени освободиться кафедру судебной медицины прозектора патологической анатоміи Ф. В. Гана. Факультетъ отложилъ сужденіе по поводу этого предложенія до того времени, когда кафедра объявлена будетъ вакантной. 30 октября 1875 года приказомъ Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія проф. Ал. Сам. Питра уволенъ отъ службы въ отставку, согласно прошенію, съ правомъ носить мундирный полукафтанъ, присвоенный ему по послѣдней должности.

Состоя на службѣ и по выходѣ въ отставку проф. Питра занимался въ г. Харьковѣ медицинской практикой и какъ докторъ онъ снискалъ въ обществѣ глубокое уваженіе и признательность.

За службу свою въ дѣтскомъ пріютѣ Ал. Сам. получилъ послѣднюю награду орденъ Св. Владиміра 3 ст. 4-го января 1881 года.

Съ Высочайшаго Государыни Императрицы соизволенія, согласно прошенію, Ал. Сам. Питра былъ уволенъ отъ службы директора Харьковскаго пріюта 13-го января 1894 года.
